

INSPIRIA

ФРИДА
ШИБЕК

КНИЖНЫЙ
магазин
У РЕКИ

ПОТРЯСАЮЩЕ
УЮТНАЯ ИСТОРИЯ
О САМОМ ПРЕКРАСНОМ –
КНИГАХ, СЕКРЕТАХ
И ЛЮБВИ.

Boktyckaren

INSPIRIA

Novel. Книги. Секреты. Любовь

Фрида Шибек

Книжный магазин у реки

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44

Шибек Ф.

Книжный магазин у реки / Ф. Шибек — «Эксмо»,
2018 — (Novel. Книги. Секреты. Любовь)

ISBN 978-5-04-110376-7

Шарлотта Ридберг, владелица небольшого бизнеса на юге Швеции, отправляется в Лондон, поскольку родственница, которую она никогда не видела, оставила ей в наследство целый дом с книжным магазином на первом этаже. Шарлотта не слишком интересуется книгами, но все же решает остаться в Лондоне и удержать дело на плаву — ей нравятся и старинный дом, и люди, что работают в магазине, и новый сосед Уильям. А еще для Шарлотты это шанс больше узнать о своем отце и прежней хозяйке магазина — как они связаны с беспорядками, которые прокатились по стране десятки лет назад и о которых столько упоминаний в хранящихся в доме письмах. «Вот это да! Восхитительные сцены, отличные персонажи. 6 звезд из 5». — Bokledan. «Замечательная история для любителей книг и английской культуры». — Hanneles bokparadis. «Лучший роман Фриды Шибек. Захватывающая, блестяще написанная история». — Boklusen. «Потрясающе уютная история о самом прекрасном — книгах, секретах и любви». — Boktyskaren. «Идеальный роман, чтобы поднять себе настроение. Рекомендуется читать лежа на диване с большой чашкой горячего чая». — Romance pe svenska.

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-04-110376-7

© Шибек Ф., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

1. Среда, 24 августа	7
2. Понедельник, 4 сентября	12
3. Вторник, 5 сентября	27
4. Среда, 18 августа 1982 года	31
5. Вторник, 5 сентября, продолжение	34
6. Пятница, 24 сентября 1982 года	39
7. Вторник, 5 сентября, продолжение	42
8. Четверг, 21 октября 1982 года	51
9. Вторник, 5 сентября, продолжение	54
10. Понедельник, 8 ноября 1982 года	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Фрида Шибек

Книжный магазин у реки

Frida Skybäck

BOKHANDELN PÅ RIVERSIDE DRIVE

Copyright © 2018 Frida Skybäck in Agreement with Enberg Agency

© Крестовская Е. перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

1. Среда, 24 августа

В первые несколько благословенных секунд Мартиник успела подумать, как порадуетса Сара красивой обложке нового издания «Миссис Дэллоуэй», но потом ее настигла жестокая реальность. Мартиник бережно погладила кончиками пальцев мягкий переплет и прижала книжку к груди.

Около месяца назад ее подруга ушла из жизни, а Мартиник по-прежнему ловила себя на том, что думает о Саре так, словно ничего не случилось. Каждый раз, когда, проходя мимо пекарни, Мартиник видела пышные булочки с клюквой, которые так любила Сара, ей хотелось купить их для нее, и лишь спустя несколько мгновений по нервным клеткам пробежал импульс, и Мартиник вспоминала, что произошло.

Расстроенная, она опустилась на один из стульев, стоявших за огромным дубовым прилавком книжного магазина. Ее муж, Пол, пытался ее успокоить, говоря, что такие состояния совершенно естественны. Просто сознанию требуется время, чтобы принять потерю близкого человека, но, несмотря на объяснения заботливого мужа, Мартиник по-прежнему приходила в отчаяние.

Она подобрала забытую кем-то газету и стала обмахивать ею лицо. В духоте позднего лета Мартиник ощущала себя не свежее насухо отжатой кухонной тряпки. Дочь Андже́ла полночи не давала ей спать, врубив громкую музыку, а потом пришлось встать раньше обычного, чтобы отвезти в школу троих племянников, потому что у Марсии был урок тенниса, который ни в коем случае нельзя было пропустить.

Мартиник провела рукой по лбу и помассировала виски. Кто вообще назначает урок в восемь часов утра?

Заправив за ухо прядь волос, она вздохнула. Пол считал, что жена слишком добра к Марсии. Он боялся, что Мартиник загонит себя, но та не могла отказать сестре в помощи. Марсия тяжело переживала развод с Ричардом, и уроки тенниса, как и благотворительные мероприятия, были необходимы ей, чтобы не терять почву под ногами. К тому же, поскольку бывший супруг изменил Марсии с девушкой, присматривавшей за их детьми, Марсия боялась снова доверить сыновей заботам чужого человека. Собственно, доверяла она теперь только сестре.

Мартиник покосилась в сторону крупного норвежского лесного кота – он лежал на своем любимом месте, у стеллажа темного дерева с научно-популярной литературой от «А» до «К», и вылизывал густую серебристую шерсть. Больше всего Мартиник хотелось домой – откупорить бутылку вина и уснуть перед телевизором, но она обещала забрать Спенсера с тренировки по крикету, чтобы Марсии не пришлось тащить с собой Стерлинга и Эдиссона в спортивный центр. Пол в своей обычной манере удивился, почему Марсия просто не отправит за старшим сыном лимузин с водителем. С учетом всех миллионов, полученных в результате развода, это было бы куда проще, чем просить сестру пересечь пол-Лондона в самый разгар пробок, но Мартиник и в голову бы не пришло предложить такое. Ей всегда было сложно сказать Марсии «нет», а сейчас, когда Мартиник к тому же жалела сестру, отказать ей казалось невозможно в принципе. Однако ради покоя в доме она старалась скрывать от Пола истинные масштабы своей помощи сестре.

– Сперва, – ласково сказала Мартиник, – мне надо изловчиться и посадить этого котяру в машину.

Заметив, что она смотрит на него, Теннисон вытянулся и замурлыкал. Он жил на Риверсайд Драйв с тех пор, как пару лет назад Мартиник нечаянно впустила его, когда он мяукал под дверью. Мокрый и всклокоченный, он промчался мимо нее и спрятался под книжным стеллажом, где отсиживался несколько часов, пока Сара не выманила его тарелкой салаки, купленной у продавца рыбы на рынке Боро поблизости.

Поскольку Теннисон был явно породистым и к тому же в ошейнике, они не сомневались, что в скором времени за ним кто-нибудь придет, но, хотя лавку закрыли в этот вечер позже обычного, никто так и не явился. На следующее утро Сара обзвонила всех окрестных ветеринаров, связалась с полицией и расклеила объявления, но безрезультатно. Однако это оказалось даже к лучшему, потому что Теннисон быстро пришелся ко двору и вскоре никто уже не мог представить себе «Риверсайд» без упитанного кота, растянувшегося между стеллажами с книгами.

Мартиник подошла к Теннисону и опустила на корточки так, что бусы радужной расцветки зазвенели у нее на шее. Пока он оставался в книжной лавке, он был милейшим на свете котом, но сейчас, когда Сара уже больше не жила здесь, Мартиник чувствовала, что вечерами его необходимо забирать с собой.

– Ну, давай, котик, – мягко проговорила она. – Пора ехать домой.

Глаза Теннисона сузились, и он бросил возмущенный взгляд, будто в точности понял, что она сказала, и хотел ответить: «Эй, дамочка, этот таунхаус, в который ты таскаешь меня за собой каждый вечер, на самом деле вовсе не мой дом. Я живу здесь».

Мартиник вздохнула. Каждый божий день он заводит одну и ту же песню. Приходится долго возиться, чтобы посадить его в маленькую кошачью переноску, а потом всю дорогу до дома выслушивать в автомобиле тихое жалобное мяуканье.

Аккуратно протянув руку, она почесала кота за большими ушами с кисточками на концах. Бедняга, похоже, тоже еще как следует не понял, что произошло. Хотя прошло уже несколько недель, он по-прежнему норовил проскользнуть к квартире Сары, расположенной этажом выше, пролезал через кошачий лаз, садился у двери в спальню и издавал жалостливые звуки, как будто его хозяйка просто заперлась ненадолго и в любой момент может снова выйти.

Мартиник с трудом поднялась. После суеты рабочего дня тело болело, она чувствовала, как ноют шея и плечи. Работа теперь занимала почти все время.

Приложив руку к плечу, которое болело больше, второй рукой она положила папку с заказами в кассу. Мартиник никогда никому не признается в этом, но на самом деле она изредка немного сердилась на Сару за то, что та умерла столь внезапно. Если бы подруга рассказала, насколько серьезно больна, у них, по крайней мере, было бы больше времени, чтобы примириться с неизбежным, но вместо этого она до последнего скрывала свой диагноз. Никто из окружения не догадывался, как плохо она себя чувствовала.

Лишь потом, получив письмо, Мартиник поняла: Сара изначально знала, что обречена, но со свойственным ей упорством никому ничего не говорила. В письме она объясняла причины. Ей не хотелось, чтобы болезнь омрачала последний период ее жизни. Все должно было идти как обычно. Но в результате никто из друзей не оказался готов к ее уходу.

Мартиник пронзила дрожь при воспоминании о телефонном звонке, раздавшемся ранним утром во время отпуска. Она испытала настолько глубокий шок, что не могла самостоятельно одеться. Полу пришлось натянуть на нее платье, причесать волосы и отвезти в больницу.

Мартиник глубоко ранило то, что Сара не дала ей больше времени на прощание. Было как-то недостойно расставаться в холодной больничной палате, где бледная, с трудом узнаваемая подруга лежала под капельницами и с трубками в носу, хотя и эти последние двое суток, проведенные вместе, значили для Мартиник очень много.

Пытаясь смахнуть нагрянувшие неприятные ощущения, Мартиник глубоко вздохнула. Чтобы после всего случившегося жить как обычно, требовались большие усилия. Поскольку она дольше всех проработала в «Риверсайте», ей выпала забота о Теннисоне и магазине до появления племянницы Сары, Шарлотты, унаследовавшей дом. Другой продавец, Сэм, работала неполный рабочий день, а на оплату дополнительных часов денег не хватало. К тому же аккуратностью она не отличалась, и те немногие разы, когда ей приходилось принимать

поставки книг или делать крупные заказы, почти всегда заканчивались небольшой катастрофой.

Как бы ни была Мартиник убита горем и как бы плохо она ни спала, следить за тем, чтобы лавка ежедневно открывала свои двери для посетителей, все равно приходилось ей. Поэтому ровно в десять часов она отпирала массивную стеклянную дверь, вывешивала небольшой флажок снаружи, на фасаде здания, и переворачивала лицом к посетителям вывеску с солнечной надписью, гласившей: «Добро пожаловать».

Мартиник протерла влажной тряпкой прилавок, за которым несколько часов назад сидели Парнелла с Гербертом. Мартиник не могла себе представить, откуда бы черпала моральные силы, если бы не многочисленные друзья Сары, которые жили поблизости и заходили выпить чашечку кофе и обменяться несколькими фразами. Благодаря им каждый день на работе Мартиник ожидало что-то приятное. Кроме того, их присутствие создавало впечатление, что в книжной лавке полно посетителей, и – хотелось надеяться – привлекало больше покупателей. А это – видит бог – было действительно необходимо магазину.

Крепко сжимая в руке тряпку, Мартиник пыталась оттереть круги, оставшиеся от кофейных чашек Парнеллы и Герберта. Еще при жизни Сары книжная лавка не могла похвастаться хорошими объемами продаж, а сейчас вообще казалось, что вся деятельность замерла. Как ни старалась Мартиник – раздавала направо и налево читательские рекомендации, устраивала различные кампании, выставляла в витрине последние книжные новинки, – добиться оживления не удавалось.

Мартиник не знала в деталях финансовые дела магазина и не могла понять истинного положения вещей, но минимальный уровень продаж вряд ли являлся хорошим признаком. Что произойдет, если «Риверсайд» перестанет приносить прибыль? Захочет ли тогда племянница Сары унаследовать ее дело?

От этой мысли Мартиник становилось дурно. С Шарлоттой она не была знакома, но надеялась, что Сара знала, что делает, когда завещала все свое имущество племяннице. Если лавка закроется, Мартиник не только потеряет последнее, что связывает ее с Сарой, но и лишится работы, а у женщины средних лет с литературоведческим образованием перспективы на английском рынке труда, к сожалению, незавидные.

Кот жалобно мяукнул, и Мартиник ласково взглянула на него. Скоро они отправятся домой. Больше всего Теннисону хотелось бы круглые сутки находиться в книжной лавке, но Мартиник боялась оставлять его на ночь одного. И вовсе не из-за риска, что кто-нибудь попытается украсть кота. «Только попробуйте!» – подумала она и покосилась на царапины на левой руке. Просто она подозревала, что оставленный без надзора кот здорово набедокурит в маленькой книжной лавке. У нее дома он уже разорвал в клочья диван и сорвал пару карнизов.

Наклонив голову набок, Мартиник оценивающе посмотрела на вялого кота, который раньше был озорным и полным жизни.

– Мне тоже ее не хватает, – прошептала она.

Теннисон моргнул ей в ответ и опустил голову на деревянные половицы. Мартиник осторожно поставила перед ним переноску и приоткрыла дверь.

– Я только проверю, везде ли выключен свет. Когда я вернусь, было бы здорово увидеть тебя в переноске.

Она заискивающе улыбнулась, хотя прекрасно знала – шансы на то, что Теннисон добровольно заползет в переноску, равны вероятности взять джекпот в Евро-лотерее.

Мартиник еще раз обошла весь магазин, чтобы проверить, все ли в порядке. На самом деле она любила этот момент спокойствия перед самым закрытием. Когда воцарялась тишина, все замирало, и казалось, будто в этих стенах чувствуется присутствие Сары.

Мартиник провела рукой по рядам книг, ощупав пальцами мягкие края книжных переплетов. «Риверсайд» принадлежал Саре больше четверти века, и каждая мелочь здесь напоми-

нала о ней. Старая деревянная лестница с резными перилами ручной работы, которые Сара, охваченная внезапной идеей после просмотра французского фильма, выкрасила в цвет зеленого горошка; потертые бархатные кресла, которым она упорно меняла обивку вместо того, чтобы купить новые; коллекция необычных чашек на кухне, собранная Сарой за много лет – все это говорило о ее характере. Она очень любила эту старинную лавку и рассказывала всем желающим ее замечательную историю.

Первый владелец, пастор Уотерс, открыл книжную лавку «Риверсайд» больше века назад, чтобы распространять книги гуманистической направленности. Он надолго оставил память о себе, собственноручно соорудив двенадцать огромных стеллажей для книг, каждый из которых посвятил одному из своих детей. Если внимательно присмотреться, на стеллажах и сегодня можно заметить крошечные латунные таблички с именами детей пастора, и, когда постоянный покупатель искал какую-нибудь книгу, было достаточно сказать ему: «Посмотрите вон там, у Жозефины», – удобно и практично.

Кресла, в свою очередь, были подарены магазину за то, что он в течение нескольких месяцев в 1958 году служил прибежищем для детей западно-индийского происхождения, которые не могли спокойно играть на улице из-за активности правоэкстремистских группировок. Тогдашние владельцы лавки, мистер и миссис Мэнтл, судя по всему, успешно обеспечивали досуг ребят после школы, устраивая чтение вслух и различные мастерские, чтобы занять их до возвращения родителей с работы. В благодарность семьи вскладчину приобрели четыре кресла ручной работы с мягкими спинками и выточенными ножками, с тех самых пор стоявшие в «Риверсайте».

Мартиник подергала ручку ведущей в кабинет двери, чтобы убедиться, что она заперта, и улыбнулась при виде нарисованного от руки транспаранта на стене. Сара разделяла социальный пафос своих предшественников и настежь открывала двери книжной лавки для всех желающих, лишь бы «Риверсайд» продолжал оставаться местом встречи жителей микрорайона. Здесь встречались, чтобы обсудить вопросы местного значения, согласовать фестивали и вечера культуры, организовать сбор средств в пользу школьников из «Сент Эндрюз», которым не хватало денег на ежегодную поездку класса в Брайтон, и даже готовились к демонстрациям.

Но времена менялись. Уже когда Мартиник начинала работать в магазине, активность соседей постепенно сходилась на нет. У жителей вокруг «Риверсайда» больше не хватало времени на решение общественных вопросов. Они были слишком заняты собственной жизнью, и Мартиник могла их понять. Она и сама испытывала стресс от многочисленных школьных мероприятий Анджелы, где от матери ожидалось активное участие – помощь с организацией, выпечкой, приобретением лотерейных билетов.

Мартиник еще раз зашла на кухню, чтобы проверить, полностью ли отключена кофеварка. Несмотря на спад интереса со стороны местных жителей, Сара продолжала проводить в книжной лавке обеденные встречи и разговорные клубы, но после ее кончины их дальнейшая судьба оставалась неопределенной в ожидании Шарлотты, которая, по словам адвоката Сары, должна была появиться со дня на день.

Мартиник заботливо провела рукой по книге «Блондинка» Джойс Кэрол Оутс, забытой на одном из кресел для читателей, и вернула ее на место на стеллаже «Луиза». Как бы Мартиник ни старалась мыслить позитивно, ее не мог не волновать вопрос, каково будет мнение Шарлотты о магазине. Сама Мартиник всегда считала, что «Риверсайд» – одно из красивейших мест в Лондоне. Она любила этот милый интерьер начала XX века с его резными, ручной работы плинтусами из темного дерева, массивными половицами, старинным камином, обрамленным порталом из зеленого мрамора, и впечатляющим видом на Темзу; но сейчас ей вдруг стали заметны все изъяны обстановки. Вдобавок ее немного удивляло, что племянница Сары до сих пор не связалась с ней. На самом деле существовал риск, что Шарлотте вовсе не нужна книжная лавка.

Мартиник крепко сжала тряпку в руке. Муж уговаривал ее так не думать, но это было нелегко, когда все твоё существование висит на волоске.

Мартиник задержала усталый взгляд на поломанном плинтусе. Скорее всего, им придется использовать все своё обаяние, чтобы убедить Шарлотту в ценности магазина и необходимости вкладываться в него. У нее уже состоялся длинный разговор с Сэм и Уильямом, который снимал единственную квартиру этажом выше; остается надеяться, что оба осознали всю серьезность ситуации. Если племяннице не понравится увиденное, она может просто выставить дом на продажу.

При одной мысли о том, что дело всей жизни Сары пойдет прахом, у Мартиник все внутри сжималось от отчаяния. Им придется побороться, доказывая Шарлотте, насколько лавка чудесна и важна.

Мартиник искоса взглянула на Теннисона, который по-прежнему лежал на привычном месте. Еще вопрос, как Шарлотта отнесется к идее усыновить кота. Впрочем, как знать? Может быть, племянница Сары любит урюмых старых котов.

– Извини, старик, нам пора.

Мартиник взяла сумочку и кивнула в сторону переноски.

– Добро пожаловать.

Теннисон посмотрел на нее, будто оценил шутку, и перевернулся на другой бок. Судя по всему, сотрудничать он был не настроен.

Мартиник громко вздохнула, опустилась на колени, обхватила тяжеленного кота поперек живота, подняла и аккуратно засунула в переноску. Явного сопротивления Теннисон не оказал, но и ничуть не помог ей, и когда, закрыв переноску, Мартиник услышала его нытье, то в очередной раз почувствовала угрызения совести.

– Мы ведь вернемся сюда завтра утром, – произнесла Мартиник, пытаясь загладить свою вину. – И, если нам повезет, приедет Шарлотта и окажется таким же замечательным человеком, как ее тетюшка.

На этих словах голос дрогнул, и Мартиник сглотнула слезы. Она надеялась, что Шарлотта уже едет, потому что не знала, сколько еще сумеет держать позиции в одиночку.

Увидев сквозь решетку осуждающий взгляд Теннисона, Мартиник добавила:

– Дома есть тунец, я дам тебе немножко, если будешь хорошо себя вести.

Она пыталась сделать строгий вид, но заранее знала, чем все это закончится. Еще до наступления ночи Теннисон выпросит у нее две оставшиеся банки тунца, и рыбой будет вонять на всю кухню. Хотя Мартиник и считала всегда, что Сара слишком его балует, ей не хватит мужества отказать тому, кто недавно потерял спутника жизни.

2. Понедельник, 4 сентября

Достав мобильный телефон, Шарлотта набрала в навигаторе адрес: «Риверсайд Драйв, 187». Каждый раз, когда телефон оказывался у нее в руках, хотелось позвонить домой, коллеге Хенрику, чтобы спросить, успел ли он выполнить дела из оставленного ему списка.

Вокруг раздавался глухой шум постоянно движущегося транспорта, она скребла ногтем по корпусу мобильного. По сути, список был не столь уж важен, но сейчас, стоя посреди одного из крупнейших городов мира, она чувствовала себя немного одинокой и, как ни странно, хотела услышать голос Хенрика.

В какой-то момент Шарлотта задержала палец рядом с зеленой кнопкой вызова, но потом передумала и вновь сосредоточилась на карте. Хенрик посмеется над ней, если ее первый звонок с просьбой о помощи раздастся всего несколько часов спустя после приземления.

Шарлотта пошла вперед и вновь оторвала взгляд от мобильного телефона, только споткнувшись о поребрик. Сентябрьское солнце отражалось в небоскребах, земля вибрировала от мерного стука колес поезда в подземке, а черные округлые такси проносились мимо совсем не в том направлении, куда ей было нужно. Шарлотта в растерянности огляделась вокруг. «Так вот он какой, Лондон», – успела подумать она прежде, чем опять опустила голову к экрану телефона.

На самом деле Шарлотта предпочла бы остаться дома и решить этот вопрос по телефону. С тех пор как около года назад не стало Алекса, она в одиночку руководила предприятием и погребла себя на работе. Только сейчас ей начинало казаться, что душевное равновесие где-то рядом, но тем не менее ослабить контроль было очень тяжело.

Она трудилась не покладая рук, будто внутри маленького мыльного пузыря, и, честно говоря, находила приятной возможность отгородиться от всего остального.

Агнета Висландер, психотерапевт, к которому Шарлотта была в конечном итоге вынуждена обратиться по настоянию своего лечащего врача, спрашивала, действительно ли ей нужно так много работать. Взирая сквозь сползшие на кончик носа ультрамодные очки, она высказывала подозрения в том, что работа для Шарлотты – это убежище, спасающее от необходимости смело взглянуть на настоящее и жить сегодняшним днем. «Если бы я жила сегодняшним днем, мне было бы до смерти стыдно за необходимость посещать ваши сеансы», – обычно думала Шарлотта в таких случаях. Она всегда принадлежала к тому типу людей, которые справляются со своими проблемами самостоятельно, и содрогалась уже от одной только мысли о том, что кто-нибудь в компании узнает о ее походах к психотерапевту.

Впрочем, «жить сегодняшним днем» было одним из любимых выражений Агнеты и универсальным решением всех проблем человечества. Казалось, она полагала, что упражнения на тренировку осознанности, например – жевать изюминку десять минут, чтобы *действительно* почувствовать ее вкус, могли излечить от всего, начиная с мигрени и заканчивая разрывом ахиллова сухожилия.

Но, несмотря на высказываемые вслух возражения и заверения, что она вовсе не погребла себя на работе, глубоко внутри Шарлотта знала, что Агнета права. Работа была для нее способом забыть, что произошло, и сейчас, когда Шарлотта наконец обрела контроль над своей жизнью, она не собиралась терять его.

Еще хуже становилось, когда Агнета, откинувшись на спинку своего крутящегося стула цвета авокадо, спрашивала, с кем Шарлотта общается в свободное время. Наличие людей вокруг пациента казалось Агнете жизненно важным, и даже то, что Шарлотта была вдовой, не позволяло сделать для нее исключение из этого правила. «Как тебе кажется, хорошо ли ты себя чувствуешь, проводя столько времени в одиночестве?» – задавала Агнета вопрос своим самым вкрадчивым психотерапевтическим голосом, склонив голову набок.

Этот вопрос неизменно вызывал у Шарлотты спазм в желудке, ведь что, черт возьми, она могла на это ответить? Нет, конечно, она не хотела провести всю оставшуюся жизнь в одиночестве, но она еще не готова знакомиться с толпой новых людей, и вдобавок шансы встретить такого же замечательного человека, каким был Алекс, попросту равны нулю. Отсутствие семьи, друзей и детей, безусловно, не прибавляло ей бодрости, и, вероятно, теперь, после смерти мужа, родить ей уже не суждено.

Иногда Шарлотту сводили с ума воспоминания обо всех их с Алексом разговорах о ребенке. Но подходящий момент так и не наступил, у них всегда был в разгаре очередной решающий этап развития предприятия, и, убежденные в том, что времени у них предостаточно, они решали подождать *еще год*. Но этот год успевал начаться и закончиться, и так снова и снова, несколько раз подряд, а теперь она осталась ни с чем. Или все-таки это была не совсем правда. У нее по-прежнему было свое предприятие «Шарлотта и Ко» – единственное, что осталось у нее от Алекса, и терять его она точно была не намерена.

Когда разговор прерывался, Агнета всегда грызла карандаш, будто желая показать, что усиленно думает, а потом высказывала какое-нибудь совершенно нелепое предложение, по которому становилось ясно, что Шарлотту она знает очень плохо. В последний раз Агнета предложила школу танцев.

– Это прекрасный способ завести новые знакомства, – улыбалась она, с энтузиазмом размахивая искусанным карандашом, а Шарлотта только мотала головой в ответ. Она с ужасом представила себе, как ее заставляют танцевать буги с незнакомцем, у которого определенно будут потные руки и лобковые вши.

Агнете, похоже, было невдомек, что, будь у Шарлотты выбор, она вообще не покидала бы свой дом. И тем не менее она стоит здесь. В Лондоне. В тысяче километров от дома. Наверное, Агнета будет прыгать от счастья, когда услышит об этом. Держаться в одиночку в городе с населением свыше восьми миллионов человек практически невозможно, а вот риск заполучить лобковую вошь неимоверно возрос, как только Шарлотта сошла с трапа самолета.

Она содрогалась при мысли о том, сколько болезней можно подхватить в таком огромном городе, и при этом ругалась про себя, пытаясь разобраться с навигатором, который все время норовил указать не то направление. Это все адвокат виноват. Его тон и манера речи во время телефонного разговора – высокомерный британский английский и растянутые гласные – внушили ей уважение. Она явственно представляла себе, как он сидит в своем кабинете с видом на Букингемский дворец, а камердинер подает ему чай. У адвоката обязательно должны быть закрученные усы и монокль.

– Ваша тетя очень ценила вас, мисс Ридберг, поскольку завещала вам все здание, включая книжную лавку, – сказал он.

«Нет, – хотела ответить Шарлотта, – этого не может быть, потому что мы не знали друг друга. Мы никогда не встречались». Но она не успела произнести ни звука прежде, чем разговор закончился, и адвокат повесил трубку.

И то, что все это звучало как странная первоапрельская шутка, не имело ровным счетом никакого значения. Если звонит адвокат из Англии и сообщает о недвижимости, унаследованной от практически неизвестного родственника, туда надо ехать. И Хенрик, и Агнета пытались убедить ее в этом.

Мимо прошел мужчина, от которого исходил запах дешевых духов, и Шарлотта инстинктивно прикрыла нос ладонью. Слишком много впечатлений за один день. Вся эта поездка. Шум аэропорта. Сосед в самолете, который хотел знать о ней *все*. (Его первая, обращенная к ней реплика была: «Начнем с начала, когда вы родились?») Резко почувствовав усталость, она оперлась на дорожную сумку.

Все было бы куда как проще, будь рядом муж. Он умел мастерски расположить к себе людей и установить новые контакты, так что еще в момент основания «Шарлотты и Ко», восемь

лет назад, они решили, что Алекс будет отвечать за общение с клиентами, а Шарлотта – муж ласково называл ее «мой маленький гениальный интроверт» – полностью посвятит себя разработке продукта.

Достав бутылочку с антисептиком, она тщательно протерла руки. Ей особенно запомнился один случай, когда они с Алексом поехали на фабрику в Испанию, чтобы разобраться, почему производство на этой площадке внезапно прекратилось. Это было как раз на стадии запуска продукта, и Шарлотта рвала и метала, предвидя проблемы с задержкой поставок, но Алекс в своей обычной спокойной манере объяснил, что топтать ногами и качать права бессмысленно. Вместо этого он поболтал с начальником фабрики Хуаном и, захватив с собой шоколадные пирожные *Magabou* для его сыновей, провел целый вечер, выслушивая его проблемы. Когда подтвердились его догадки о перегреве полов в производственных помещениях, Алекс стал выяснять, нельзя ли заказать дополнительные вентиляторы, и спустя совсем немного времени производство возобновилось.

Они по-прежнему периодически получали открытки от Хуана, и, обнаружив в середине июля в почтовом ящике новую открытку, адресованную «Алексу и семье», Шарлотта была на грани нервного срыва. Ей казалось, все вокруг знали о несчастном случае, настигшем Алекса, но, судя по всему, до фабрики в Гренаде эта новость еще не дошла.

С Темзы подул теплый ветер, и Шарлотта позволила себе остановиться на мгновение, чтобы насладиться жарой. Люди вокруг непрерывно двигались вперед, словно муравьи, но все избегали ее взгляда. Когда элегантно причесанная дама почтенного возраста в плаще небесно-голубого цвета уронила пакет с фруктами, Шарлотта была единственной, кто наклонился, чтобы подобрать рассыпавшиеся яблоки.

Она протянула даме пакет, одновременно пытаясь увернуться от потока проходящих мимо людей, и та благодарно улыбнулась в ответ. Шарлотта не привыкла к такому скоплению народа. Большую часть времени она руководила компанией из своего загородного дома и часто за весь день не разговаривала ни с кем, кроме Хенрика. И еще, конечно, своих виртуальных партнеров по игре в *Wordfeud*¹, но Агнета говорила, что они не считаются.

Навстречу на велосипеде ехала маленькая девочка в костюме человека-паука, и Шарлотта отклонилась в сторону, чтобы ее не сбили. По большому счету у нее не было времени на эту поездку. Она вела переговоры с несколькими крупными сетевыми магазинами, заинтересованными в продаже ее линейки косметических товаров. Хенрик, с учетом сложившихся обстоятельств, предлагал повременить с этим шагом. Он беспокоился, что Шарлотта слишком много работает, но при этом никто, похоже, не понимал, что она вынуждена загрузить себя этой работой. Если не работать все дни напролет, реальность раздавит ее, оставив мокрое место. Кроме того, сейчас как никогда казалось важным реализовать разработанную Алексом стратегию, потому что, пока Шарлотта продолжает работать над их совместным проектом, он незримо находится рядом.

Колесики дорожной сумки стучали по тротуарной плитке. Не зная, как надолго ей придется здесь задержаться, Шарлотта упаковала в сумку всего понемногу. Хенрику, который упорно хотел забронировать для нее билет на мюзикл, она пыталась втолковать, что при удачном раскладе вернется домой уже завтра.

Обстоятельства складывались как-то уж очень таинственно. Да нет, про Хенрика и билеты все понятно. Он был одержим Эндрю Ллойдом Уэббером и однажды даже участвовал в электронном аукционе на «eBay», пытаясь приобрести носовой платок, в который композитор однажды высморкался. Нет, дело все в том, что мать Шарлотты никогда не распространялась о своей старшей сестре Саре и лишь однажды мимоходом упомянула о ней. Сколько Шарлотта

¹ Компьютерная онлайн-игра на логику и словарный запас, аналог «Эрудита». – *Прим. перев.*

себя помнила, они не поддерживали связь, и поэтому новость о тетином завещании в ее пользу вызвала глубокое удивление.

Шарлотта старалась охватить взором широко раскинувшуюся реку и чуть не потеряла равновесие от сильного порыва ветра, который пронесся мимо. Адвокат рассказал, что в здании находятся две квартиры и коммерческое помещение, и что книжная лавка, расположенная на первом этаже, существует уже больше века. Шарлотта не имела ни малейшего понятия, зачем ей этот старый дом, и еще меньше догадывалась о том, почему тетя оставила его ей.

После разговора с мистером Херальдом Хуком (чье имя для ее ушей звучало достаточно пошло, хотя, возможно, всему виной была неуверенность в его правильном произношении) она написала ему длинное сообщение по электронной почте, предлагая сдавать дом в аренду от ее имени. Но мистер Хук ответил столь же авторитетно, как и в телефонном разговоре, что он настаивает на ее визите. Унаследовав бизнес с наемными работниками, она, по его мнению, была обязана лично ознакомиться с деятельностью магазина, прежде чем принимать решение. И он был, безусловно, прав, Шарлотта знала это, даже если встреча будет трудной. Ведь что она могла предложить работникам лавки? Вряд ли она переедет в Лондон и начнет продавать книги, бросив на произвол судьбы собственное дело.

Шарлотта остановилась, чтобы свериться с навигатором и убедиться, что идет в правильном направлении. Мимо по Темзе скользила баржа, в небе кричали чайки, и солнце светило сквозь рваные облака так ярко, что приходилось щуриться.

Судя по навигатору, цель была близка. Защищая рукой лицо от солнца, она внезапно прямо у себя под носом увидела дом, и инстинкт подсказал ей, что именно его она и искала.

Типичный городской дом в викторианском стиле. Фасад второго этажа был побелен, а первого – обшит досками, окрашенными в цвет сосновой хвои, что было так по-английски обаятельно. Единственное, что портило картину – это нагромождение хлама в витрине, но, если не обращать на него внимания, дом выглядел очень уютным.

Сердце Шарлотты дрогнуло. Зажатое между двумя другими домами здание, очевидно, было достаточно маленьким, но обладало при этом особым шармом – может быть, благодаря ставням и модным кашпо, – и что-то заставило ее пульс участиться.

Таксист злобно посигналил ей, когда она, пренебрегая осторожностью, перешла через улицу, но оторвать взгляд от дома было невозможно. Над загроможденной витриной красовалась позолоченная вывеска, на которой она прочитала: «Книжный магазин Риверсайд».

Завороженная увиденным, Шарлотта остановилась на тротуаре перед магазином. Она ведь собиралась только быстро осмотреть дом снаружи, а потом сразу идти в отель, но сейчас ее внезапно охватило непреодолимое любопытство. Казалось, будто старинное здание притягивало к себе, и земля странным образом имела уклон в направлении входа.

Шарлотта почесала в затылке. В самом деле, почему бы не зайти и не взглянуть? Персонал ведь все равно ее не знает, а найти отель, заказанный Хенриком поблизости, наверное, несложно. «Да, пусть так и будет», – подумала она, потянувшись к массивной дверной ручке.

Дверь со стеклянной вставкой была очень тяжелой, и, похоже, ее не мыли с тех пор, как джинсы-варенки впервые вошли в моду. Шарлотта подумала, что надо бы снова обработать руки антисептиком, но все ее мысли о гигиене рук как-то быстро отступили на задний план, когда она благоговейно начала осматриваться по сторонам.

Несмотря на то что Шарлотта никогда прежде здесь не бывала, закралось чувство, что книжный магазин знаком ей, и сердце от этого забилось учащенно. Это напоминало путешествие во времени, в прошлый век. Пропитанные темной морилкой стеллажи простирались до самого потолка и были до отказа заполнены книгами. Пол был сложен из широких разнокалиберных половиц, что выглядело по-своему мило, а в солнечных лучах, попадавших в помещение сквозь немытые оконные стекла, высвечивалась кружащаяся в воздухе пыль. Покосившись

на ряд зеленых люстр, болтавшихся на медных кронштейнах, Шарлотта почувствовала, что в помещении царит запах типографской краски, старинной бумаги и ванили.

Под впечатлением от увиденного Шарлотта позволила своему взору блуждать дальше. Эта лавка была чем-то совершенно особенным. Снаружи дом казался милым, но скромным, а вот внутри посетителю открывался совсем другой мир. Мелкая лепнина и декоративные плинтусы в сочетании с открытым камином в обрамлении темного дерева с кованым искрогасителем создавали ощущение уюта. Несмотря на некоторую внешнюю обветшалость, обстановка была приятной, излучала тепло и, надо полагать, была прекрасным пристанищем для книголюбителей. «По крайней мере, для тех, кто не страдал аллергией на пыль», – подумала Шарлотта.

Она так и осталась стоять на бордовом коврик у входа, как зачарованная. Книги, стоявшие на стеллажах в таком количестве, что под их весом прогибались полки, казались не новыми, что наводило скорее на мысль о букинистической торговле. На стенах, в широких латунных рамах висели портреты писателей и, как предположила Шарлотта, цитаты из популярных книг, а в углах стояли бархатные кресла, приглашавшие посетителей присесть ненадолго и почитать. Посреди всего этого торжественно возвышался массивный дубовый прилавок в форме дуги, украшенный резьбой; на нем стоял красивый серебристый кассовый аппарат, стилизованный под начало XX века.

Похоже, Шарлотта уже успела привыкнуть к шуму мегаполиса, потому что сейчас ее внезапно поразила царившая здесь тишина. «Значит, это и есть книжный магазин Сары, – подумала она, – мой книжный магазин».

Волшебство растаяло лишь с появлением статной женщины в красной тунике. Шарлотта обернулась к ней и уже хотела было сказать, что она просто смотрит и помощь ей не требуется, но и рта не успела открыть, как женщина, улыбаясь, широко раскинула руки и бросилась ей на шею.

Несколько долгих секунд Шарлотта против воли провела в объятиях, чувствуя, как к ней плотно прижимается большое, мягкое тело. После безуспешной попытки выскользнуть из объятий у нее началась паника. Когда хватка все-таки ослабла, Шарлотта сделала шаг назад в ожидании извинений или хотя бы объяснения из разряда: «Я просто забыла принять сегодня свою таблеточку ксанокса»², но женщина вместо этого выпалила:

– Как же приятно наконец встретиться!

Шарлотта удивленно уставилась на незнакомку. Женщина в красном, должно быть, что-то не так поняла. Может быть, она приняла Шарлотту за какую-нибудь знаменитость? Ей как-то сказали, что на одной из фотографий она похожа на Скарлетт Йоханссон. Конечно, это было фото в профиль, да еще и обработанное. Но небольшое сходство между ними все же имелось, Шарлотта могла это подтвердить. Может быть, незнакомка перепутала ее со Скарлетт Йоханссон?

Женщина в тунике, ничуть не смутившись отсутствием ответа, бесцеремонно положила руку на плечо Шарлотты.

– Как я рада, что ты здесь! Я очень беспокоилась, как все устроится. Я по мере сил стараюсь заботиться о «Риверсайде», но сейчас, когда Сары не стало... – женщина с грустью покачала головой. – То есть я делаю все, что могу, но теперь с твоей помощью все будет намного легче. Господи, как я тебя ждала! Мне так много надо всего тебе показать!

Она широко улыбалась, и слова при этом сыпались у нее изо рта непрерывным потоком.

Шарлотта судорожно схватилась за сумочку. Она абсолютно ничего не понимала. Как эта женщина могла узнать ее?

---

² *Ханок* – противотревожное средство из группы бензодиазепинов, широко используется в США и Западной Европе для преодоления стресса. – Прим. перев.

– Это я – Мартиник, да ты, наверное, уже и сама поняла, – сказала она, засмеявшись так громко, что затряслись темные локоны, обрамлявшие ее лицо. Такое добродушное лицо могло обезоружить кого угодно.

Шарлотта нервно сглотнула. Как объяснить, что она ни малейшего понятия не имела о том, кто такая Мартиник.

– Извините, но я...

Когда в глубине торгового зала распахнулась дверь, стоявшая перед ней женщина, изобразив руками рупор, громко закричала:

– Сэм, угадай, кто к нам пришел! Иди сюда скорее, поздоровайся с Шарлоттой!

У Шарлотты перехватило дыхание. Значит, они уже знали ее по имени? Мысли проносились в голове одна за другой. Мог ли адвокат навестить лавку и поговорить с сотрудниками? «Да, – подумала она. – Так, скорее всего, и было». А Мартиник, наверное, разглядела сходство с Сарой, или просто светлый оттенок волос выдавал в Шарлотте шведку. Лучшее объяснение ей на ум не приходило.

Через торговый зал засеменила еще одна женщина, намного моложе первой; она была одета в джинсы клеш, коричневую рубашку с жестким воротничком и желтый вязаный жилет. К счастью, оказалось, что она вовсе не была так же безудержно рада Шарлотте, Сэм лишь безучастно протянула ей руку для приветствия.

– Так ты – племянница Сары? Приятно познакомиться, – быстро проговорила она, секундой позже обернувшись к Мартиник.

– Мне заказать еще пакеты, или подождем пока?

Шарлотта чувствовала, как по спине стекал струйкой пот. Значит, сотрудники ждали ее. Они, конечно же, хотели определенности относительно будущего, но в данный момент ей было нечего им сказать. Сначала необходимо поговорить с адвокатом.

Пока Сэм и Мартиник обсуждали расход пакетов, Шарлотта лихорадочно соображала, что им ответить. Естественно, она стремилась к оптимальному решению и надеялась найти арендатора, который захочет сохранить книжный магазин, но боялась обещать им что-либо, не обсудив дело подробно с мистером Хуком.

Когда они закончили разговор, Мартиник взглянула на нее и улыбнулась.

– Ты, конечно, устала с дороги. Я могу показать тебе квартиру Сары, ты ведь здесь хочешь остановиться?

Шарлотта помотала головой. У нее не было никакого желания ночевать в старой квартире своей тетки, но было любопытно узнать о Саре побольше и хотелось посмотреть, как она жила. Кроме того, там Мартиник точно оставит Шарлотту одну, и тогда она сможет спокойно отправиться в гостиницу.

Взявшись за ручку дорожной сумки, Шарлотта приготовилась выйти обратно на улицу, но Мартиник указала ей в глубь торгового зала.

– Туда, душечка. Сара ведь жила этажом выше. Понимаешь, мы всегда жили, как одна большая семья – я, Сэм и Сара. Ну и Уильям, конечно, он снимает вторую квартиру.

Лестница, выкрашенная в зеленый цвет, выглядела как деталь сказочного интерьера, а когда они поднялись к квартире Сары, Шарлотта уже ничуть не удивилась, увидев, что входная дверь была украшена желто-оранжевыми цветами ручной работы. Мартиник протянула связку ключей и указала на дверь, на которой висела табличка: «С. Ридберг», а внизу зиял кошачий лаз.

– Это тебе. Мы попробовали немного прибраться, – извиняющимся тоном продолжила Мартиник, – но почувствовали, что убирать вещи Сары до твоего приезда неправильно.

Пока Шарлотта пыталась подобрать ключ из связки и попасть им в разбитую замочную скважину, сотрудница магазина опять улыбнулась.

– Спускайся вниз, как обустроишься, мы сообразим насчет еды.

Шарлотта поблагодарила ее, хотя знала, что вряд ли будет в состоянии выдержать сегодня ужин в компании Мартиник и Сэм. Единственное, о чем Шарлотта могла сейчас думать – как дойдет до гостиницы, не торопясь примет расслабляющий душ, закажет еду в номер, а потом заберется в постель и будет просматривать рабочую почту.

Когда Мартиник исчезла из вида, спустившись обратно в торговый зал, а Шарлотте наконец удалось открыть входную дверь, она вошла в квартиру и увидела разбросанные в беспорядке вещи. Здесь царил полнейший хаос, везде валялись блокноты и старые газеты. На дверных рамах в огромном количестве были наклеены маленькие записки-напоминания, например: «Заказать последнюю книгу Франзена» или: «Госпоже Испвич понравится «Карманный вор», если только она даст ему шанс»; на полу громоздились неровные стопки книг.

Обессилив, Шарлотта созерцала разгром. Она, признаться, была первоклассным специалистом по наведению порядка, и уборка обычно доставляла ей истинное удовольствие. Дома каждая маленькая вещица, вплоть до резинок для упаковки и точилки для карандашей, лежала в строго отведенном для нее месте, все было тщательно рассортировано по коробочкам и кармашкам, и когда Алекс, который вовсе не был аккуратистом, вываливал на пол содержимое ящиков своего комода в поисках какой-нибудь пропажи, это ее очень раздражало. Сердце сжалось от внезапного воспоминания. Теперь, по прошествии времени, Шарлотта раскаивалась в том, что такие смехотворные вопросы становились причиной их ссор.

Она поправила криво висевшую на стене картину и, вздохнув, достала из сумочки маленький флакончик, чтобы вновь протереть руки антисептиком. Беспорядок в квартире был таким чудовищным, что было не понятно, за что хвататься. На стенах гостиной висели выцветшие от солнца афиши с изображением Боба Дилана и Дженис Джоплин – они выглядели такими хрупкими, что, казалось, могут рассыпаться от прикосновения.

Шарлотта осторожно сделала несколько шагов в глубь квартиры. Она озиралась вокруг, будто в музее. Комнаты были маленькими и тесными, а мебель, похоже, подбиралась произвольно, в комиссионных магазинах. Воздух был затхлым, и в носу свербело от знакомого кислосладкого запаха, напоминавшего запах фрукта, забытого в сумке со спортивной формой.

Шарлотта напряженно моргала. Если бы не усталость, ей бы спуститься обратно, но сил на светскую беседу не было, и видеть никого она уже просто не могла.

На маленьком секретере в рамке стояла детская фотография ее матери – Кристины – с еще одной девочкой, как Шарлотта полагала, с ее тетей – Сарой. Они сидели на скамейке и улыбались, несмотря на сильный ветер, который дул в лицо, растрепывая челки. Обе девочки – блондинки с веснушчатыми носами. Невероятно похожи друг на друга и очень юны. Наверное, им было лет двенадцать – тринадцать, не больше.

Шарлотта внимательно изучала фотографию. Она всегда считала, что сестер разделяла большая разница в возрасте и думала, что именно из-за этого они утратили контакт, но на фотографии они – почти ровесницы.

Шарлотта дотронулась пальцем до лица матери на фотографии. Почему она никогда не рассказывала Шарлотте о Саре? Может быть, между ними возникла вражда?

Шарлотта смахнула слезу – ее всегда накрывала грусть при воспоминаниях о матери. Несмотря на то что после ее смерти прошло уже несколько лет, Шарлотта по-прежнему ощущала острое чувство утраты. Она внезапно подумала, каково было бы встретиться с Сарой. Раз сестры были так похожи, Сара, скорее всего, напомнила бы ей мать.

Шарлотта принялась осматривать оставшуюся часть комнаты, пока взгляд не наткнулся на что-то знакомое в дальнем углу, у телевизора. Шарлотта подошла к маленькой полочке, на которой в ряд стояли еще фотографии, и с удивлением рассмотрела их. Большую часть снимков она узнала, потому что это были ее детские фотографии. На одной она, годовалая, сидела в ванночке для купания, на другой – четырехлетняя, бежала по полю. Если мать посылала эти

снимки Саре, значит, они все-таки как-то общались. Тогда почему мать никогда ничего не говорила об этом Шарлотте?

Когда она взяла в руки еще одну фотографию в рамке, по коже прошел мороз. Это уже ее взрослая фотография. Снимок был вырезан из газеты с интервью, которое она дала вскоре после основания компании.

Шарлотта так хорошо помнила этот день. Вначале она сказала, что совершенно не хочет фотографироваться, но Алекс заметил, что именно Шарлотта – лицо компании, потому что предприятие названо в ее честь, и тогда пришлось согласиться встать перед фотокамерой. Удивительно, но Шарлотте очень понравилось позировать, следуя указаниям фотографа.

Она в тишине рассматривала снимок. Распечатанный, вероятно, на старом черно-белом принтере, он был плохого качества, но Шарлотте все равно казалось, что она выглядела на нем красивой. Другая ее фотография была взята с одной из ее старых аватарок на Facebook. Получается, что Саре было известно, кем она стала, и Мартиник, скорее всего, узнала ее по одной из этих фотографий.

Шарлотта отставила рамки с фотографиями в сторону. Если тетя хотела познакомиться поближе, почему она просто не связалась с ней?

Шарлотта пробиралась между мебелью, пока не нашла пустое кресло, на которое осторожно присела, смахнув пыль. Мысли кружились. Почему, в самом деле, Сара завещала лавку именно ей?

Шарлотта смиренно осмотрелась вокруг. Если дом отремонтировать, он будет стоить немалых денег, но она хорошо управлялась со своим предприятием, и дополнительные средства ей были не нужны. Вдобавок у нее не было уверенности, что хватит сил заниматься еще одним наследством. Она и так чуть не надорвалась с описью имущества Алекса и матери.

Шарлотта зевнула. Показать себя неблагодарной она не хотела, но все-таки не была готова взяться за такой проект. Другое дело, если бы был жив Алекс, тогда они поделили бы эти хлопоты на двоих. К тому же Шарлотта ничего не знала о том, как управляют книжным магазином, и было бы несправедливо по отношению к Сэм и Мартиник так рисковать их будущим. Конечно, для управления «Риверсайдом» можно найти более компетентного человека.

«Завтра, – думала Шарлотта, – я попрошу адвоката начать поиски потенциального арендатора или покупателя, если так будет проще».

На мгновение она закрыла отяжелевшие веки. Если что ей сейчас и нужно, так это минутка отдыха, потом надо будет искать заказанную гостиницу. Да, так она и сделает. Завтра после полудня, если повезет, она уже будет в самолете, на пути домой.

Когда Шарлотта проснулась, квартира успела погрузиться в сероватый полумрак. В первое мгновение Шарлотта не могла вспомнить, где находится, и ее охватила паника. В растерянности окинув взглядом комнату, заметила фотографии на полке – тогда фрагменты пазла вновь выстроились в цельное изображение. Она все еще в квартире Сары.

Желтый свет от уличного фонаря падал через окно, и казалось, что стопки книг выросли, потому что отбрасывали на пол длинные тени.

Шарлотта взглянула на часы. Без пятнадцати семь. Значит, она проспала несколько часов? Вдохнув и протерев глаза, вспомнила, что собиралась созвониться с адвокатом и подтвердить завтрашнюю встречу, но сейчас, надо полагать, уже поздно.

Поднявшись, подошла к окну. Открыт ли еще магазин? В глубине души Шарлотта надеялась, что открыт, потому что иначе было непонятно, как ей отсюда выбраться.

Дрожь от холода, она огляделась вокруг. Может быть, несмотря ни на что, ей следовало бы переночевать здесь? На диване полно книг, но их можно куда-нибудь переложить, и ведь где-то здесь, наверное, должно быть чистое постельное белье? Шарлотта предпочла бы избежать встречи с Сэм и Мартиник, прежде чем ей станет понятна судьба магазина.

Громкий скрип на лестнице перед квартирой заставил Шарлотту быстро обернуться. Она вышла в прихожую.

Внезапно кто-то громко заколотил в дверь, и стук гулко отозвался в квартире.

Шарлотта от волнения сглотнула слюну. Сэм и Мартиник, естественно, знали, что она оставалась в квартире, и не открыть было просто неудобно. Но почему они молчат?

Когда стук раздался повторно, Шарлотта очнулась, протянула руку к выключателю и зажгла круглую стеклянную люстру, от которой по прихожей разлился мягкий желтый свет.

Быстро взглянув на свое отражение в зеркале, висящем над комодом, пригладила волосы и повернула ключ в замке. На маленькой лестничной площадке, прислонившись к стене, стояла Сэм. Она зачесала назад средней длины волосы, подстриженные под пажа, и расслабленной позой напоминала киноактера пятидесятых годов. Может быть, Джеймса Дина или Элвиса. Шарлотте казалось, еще мгновение, и Сэм вытащит припрятанную за ухом сигарету и коробок спичек из нагрудного кармана.

– Привет, – кивнув, сказала Сэм.

– Привет.

– Мы с Мартиник хотели немного перекусить. Будешь с нами?

Шарлотта, засомневавшись, отрицательно покачала головой.

– Спасибо, это очень любезно с вашей стороны, но я не голодна, – сказала она, надеясь, что Сэм не слышит, как у нее урчит в животе.

Сэм удивленно подняла брови.

– Ну ладно. Хотя Мартиник специально для тебя приготовила рагу. Она прошла пешком до «Tesco» и накупила всяких овощей, название которых я даже не знаю, поэтому будет здорово, если ты все-таки спустишься и попробуешь немного.

Шарлотта в смущении посмотрела в глаза Сэм.

– Она сама приготовила еду? Ну, тогда, конечно, приду. Подожди, только захвачу с собой кое-что.

Шарлотта вернулась в квартиру и схватила сумочку. Дорожную сумку можно оставить здесь, зачем тащить ее с собой, если она все равно пока не собиралась выходить на улицу.

Спускаясь по лестнице, Сэм бросила на Шарлотту косой взгляд через плечо.

– Ты замужем, или, может быть, у тебя есть кто-нибудь?

Шарлотта ساختроила недовольную мину. Она не любила говорить о своей личной жизни.

– Нет, у меня никого нет.

Сэм кивнула.

– Просто имей в виду, что здесь у нас, в «Риверсайде», установлены свои правила. Я в первую очередь претендую на посетителей, которые к нам заходят. Если тебе кто-нибудь приглянется и ты захочешь с ним встретиться – пожалуйста, но спроси сначала моего разрешения. Ладно?

Несмотря на странность отпущенного комментария, Шарлотта кивнула в знак согласия. Верит ли Сэм в то, что Шарлотта собирается здесь остаться? Неужели не понимает, что у нее уже есть работа в Швеции? И с чего это ей вдруг придет в голову кадрить посетителей магазина? Она хотела сказать, что даже и не думает переезжать сюда, но побоялась новых вопросов и промолчала.

Когда они спустились на первый этаж, Шарлотта заметила, как изменилось освещение лавки. Сейчас, при заходящем солнце, когда весь свет в помещении обеспечивали большие зеленые лампы и несколько зажженных свечей, выставленных в ряд на каминной полке, казалось, что все окутано дымкой.

Шарлотта прошла за Сэм через торговый зал. Запах еды напомнил об остром чувстве голода, и, увидев, что длинная сторона большого дубового прилавка накрыта скатертью и заставлена разномастными тарелками, Шарлотта улыбнулась.

– Присядь, мы сейчас придем, – сказала Сэм, кивнув в сторону стоявших вразнобой барных стульев.

Присев, Шарлотта стала изучать свои пальцы. Светло-бежевый лак был еще одним свидетельством того, как мало внимания она уделяла своей внешности. Раньше она была ходячей рекламой собственных косметических продуктов, а сейчас ей с трудом хватало желания сделать простейший маникюр.

Несмотря на сумерки, снаружи по-прежнему бурлила жизнь. Вода в Темзе искрилась от света уличных фонарей, и на променаде вдоль реки было полно народу. От ресторанов на другой стороне улицы исходил уютный свет, издали угадывались силуэты обедающих компаний.

Шарлотта искоса поглядывала на людей. Мимо проходила пара, крепко держась за руки, на парковой скамейке девушка пела и аккомпанировала себе на гитаре, а мужчина с собачонкой под мышкой слушал ее. Вокруг так много всего происходило, что Шарлотте было трудно оторвать взгляд. Дома, из окна рабочего кабинета, она могла увидеть в лучшем случае пару ворон, а здесь удивительным образом одновременно лицезрела мгновения стольких человеческих жизней.

Выглядывая из-за стеллажей с книгами, заслонявшими от нее витрину, Шарлотта продолжала изучать прохожих. Ей казалось, что она сама для них незаметна, словно таинственная лавка тщательно скрыта от посторонних глаз, и эта мысль так увлекла ее, что заставила сердце биться сильнее, разгоняя кровь.

На самом деле было удивительно, что окружающее вызывает у нее такой интерес. Проведя в последний год много времени в одиночестве, Шарлотта привыкла к тишине и покою. Общайся она с другими людьми, рано или поздно ей пришлось бы рассказать об Алексе, а у нее не было ни малейшего желания это делать.

Агнета говорила, что ей вовсе не надо раскрывать, что произошло, по крайней мере, в самом начале нового знакомства, но для Шарлотты это было равнозначно лжи. Любая тема, казалось, возвращала ее к Алексу, а рассказ о покойном супруге мог кардинально испортить тон любой беседы. К тому же она по-прежнему до смерти боялась внезапно расплакаться, что с ней уже случалось пару раз при крайне неподходящих обстоятельствах, например, перед вечерним кинопоказом, когда парень в билетной кассе коротко пересказал ей сюжет фильма «До встречи с тобой».

В отдалении Шарлотта увидела молодого человека в коричневой кожаной куртке. У него были густые короткие волосы, а размашистая походка, казалось, выдавала раздражение. Несмотря на то что он был небрит, а из-под куртки топорщилась мятая рубашка, в его образе было что-то элегантное.

Шарлотта следовала за ним взглядом, пока не заметила, что парень направляется прямо к ней. Вместо того чтобы свернуть на улицу, он шел вперед, устремив взгляд на магазин, и, когда он поднял руку, чтобы открыть входную дверь, Шарлотта сделала глубокий вдох.

С шумом отворилась дверь. Сердце всколыхнулось. Шарлотта была убеждена, что дверь заперта, но сейчас, когда осознала, что в магазин мог зайти кто угодно, внезапно почувствовала себя уязвимой.

Парень в коричневой кожаной куртке остановился, удивленно взирая на нее, и Шарлотте пришлось сделать усилие, чтобы не отвести взгляд.

– Где Сэм? – угрюмо спросил парень.

Она указала в глубь магазина, продолжая смотреть, как он шагает по массивному дощатому полу, скрипевшему под каждым его шагом.

Шарлотта с трудом выдохнула. Умиротворение, которое она испытала минуту назад, как ветром сдуло, вдруг стало ясно – останься она, и придется отвечать на множество неудобных вопросов. Ей следовало бы просто взять свою сумочку и уйти, добраться наконец до этой злополучной гостиницы и завтра утром вернуться сюда с адвокатом.

Как только Шарлотта соскользнула с барного стула, откуда ни возьмись появилась Мартиник с большой кастрюлей в руках.

– Привет, голубушка, – заворковала Мартиник. – Ну что, удалось отдохнуть немного?

Слегка разочарованная тем, что попытка бегства не удалась, Шарлотта вновь села и кивнула в ответ.

– Хороша у Сары квартирка, правда? В ясную погоду из окна гостиной даже Тауэрский мост виден!

– Надо же, – коротко ответила она, прикусив нижнюю губу. Мартиник была так добра к ней. Она определенно расстроилась бы, откажись Шарлотта от ужина. Вдобавок от еды исходил изысканный запах. Она ведь может остаться совсем ненадолго.

Поставив еду на стол, Мартиник открыла крышку и перемешала рагу торчавшей из кастрюли деревянной лопаткой. У Мартиник был удивительный цвет кожи, который Шарлотта могла бы описать как цвет пралине или темного тростникового сахара. К нему идеально подошел бы их фирменный хайлайтер на золотой основе, и, если Шарлотта была бы прежней, как до несчастного случая с Алексом, она непременно обеспечила бы Мартиник тестовой упаковкой этого продукта.

Шарлотта смущенно озиралась вокруг, пытаясь придумать тему для разговора. С языком у нее проблем не было. Казалось даже, что на английском говорить легче, чем на шведском, потому что тогда она может притвориться другим человеком. А вот навыки светской болтовни у нее были развиты крайне слабо на любом языке.

– Какая у вас чудесная погода, – сказала она, сделав попытку улыбнуться, и внезапно почувствовала, как кто-то коснулся ее ноги. Шарлотта где-то читала, что в таких больших городах, как Лондон, не более двух метров всегда отделяют человека от крысы, и в тысячную долю секунды ей подумалось, что именно крыса прошмыгнула сейчас под прилавком. Прежде чем заметить пушистый хвост, Шарлотта успела резко вскочить, уронив высокий барный стул.

– О господи! Прошу прощения, я не увидела, что это кот, – смущенно сказала Шарлотта. Щеки горели, и она быстро поставила стул на место. Мартиник заботливо посмотрела на нее.

– Это всего лишь Теннисон. Он тут, кстати, вместо талисмана. Посетители любят нежничать с ним. Правда, котик? – спросила она мягким голосом, как маленького ребенка.

Шарлотта смотрела, как косматое животное протрусило к кошачьей корзине и, потоптавшись, с довольным видом устроилось в ней. Раз такая громадина могла тут безнаказанно разбойничать, понятно, почему повсюду столько пыли и шерсти.

Мартиник оторвала глаза от кастрюли – несмотря на улыбку, в ее взгляде сквозила грусть.

– Ты так похожа на тетушку, – внезапно выпалила Мартиник.

Шарлотта повернулась на стуле. Как ей быть: сказать, как есть, что она не знакома с Сарой и никогда с ней не встречалась?

Мартиник отвернулась и продолжила, гнусая.

– Сара очень любила мою стряпню, – сказала она, продолжая доставать из пластиковой коробки некомплектные столовые приборы и раскладывая их на столе. Незаметно смахнув проступившую в уголке глаза слезу, Мартиник засмеялась.

– Нет, прошу прощения. Мне надо взять себя в руки! – она с виноватым видом покачала головой. – Мы все так рады, что ты наконец здесь, Шарлотта! Сара рассказывала, что ты боишься авиаперелетов, и мы очень благодарны, что ты все-таки решилась к нам приехать.

«Понятно, – подумала Шарлотта. – Вот как, значит, Сара объясняла, почему племянница никогда не навещает ее».

Издалека она увидела Сэм, которая шла под руку с громко разговаривавшим незнакомцем в коричневой кожаной куртке.

– Это Уильям, – представила Мартиник. – Он живет в квартире рядом с твоей.

По этому описанию Шарлотта отметила про себя, что ее уже поселили в дом, но предпочла не возражать.

В руках Сэм несла две бутылки вина. Подойдя к прилавку, она ловко откупорила одну из них, не переставая внимательно слушать своего собеседника. Он говорил пылко, но на каком-то невнятном диалекте, и Шарлотта не вполне улавливала смысл его речи.

Сэм наполнила четыре бокала вином, Уильям тотчас же взял свой бокал, осушив его залпом.

Шарлотта молча рассматривала Уильяма. Вид у него был по-прежнему сердитый; он подвинул к ней бокал, но она отвела взгляд. Это вызвало незамедлительный эффект – Уильям откашлялся и протянул ей руку.

– Прошу меня извинить. Я был не очень вежлив, – сказал он. – Уильям.

Шарлотта ответила прохладным рукопожатием.

– Шарлотта.

– Надеюсь, я не испугал тебя?

Она отрицательно покачала головой.

– Да нет.

– Уверена? Честно говоря, ты выглядела слегка испуганной.

– Нет, совсем нет, – тихо пробормотала Шарлотта.

– Ну, хорошо. Может, выпьем?

Она сжала в замок руки на коленях.

– Нет, спасибо.

Уильям протянул свой бокал Сэм.

– Можно еще?

Закатив глаза, Сэм налила Уильяму вино, оставшееся в первой бутылке, и откупорила вторую.

– Понятно, – продолжил он. – Ты очередная *подруга* Сэм, да?

Ударение на слове «подруга» дало Шарлотте понять, что он имел в виду другое.

Сэм громко вздохнула.

– Вообще-то я не сплю со всеми, кто заходит в этот магазин.

– Нет, только каждый третий достаивается такой чести.

– С завистью сказал он, – парировала Сэм.

Шарлотта дотронулась кончиками пальцев до своего бокала. Она вовсе не была трезвенницей, но теперь пила редко. Последний раз состояние опьянения она ощущала несколько лет назад, а выпить бокал вина перед едой казалось ей ненужным. Хотя сейчас держать что-то в руках было приятно. «Вдобавок не помешает подкрепить свои силы», – подумала Шарлотта, и, вдохнув аромат вина, сделала маленький глоток.

– Нет, – едким тоном заметила Сэм. – Это вообще-то племянница Сары.

Уильям закашлялся и впервые как следует взглянул на Шарлотту своими бархатно-карими глазами.

– О черт! Простите меня, госпожа арендодатель, – произнес он и шутливо отдал честь. – Вы ведь не планируете повысить арендную плату только из-за того, что я так опозорился?

Только сейчас Шарлотта заметила, какой у него глубокий голос.

Сэм присвистнула.

– О да, тебе теперь ни за что не расплатиться, придется съехать.

Уильям нервно засмеялся.

– Послушай, Шарлотта, я серьезно. У нас с Сарой был особый договор. Она дает мне скидку на арендную плату, пока я пишу.

– Да, Уильям – наш собственный писатель, – радостно вставила свою реплику Марти-ник. – Ты не слышала о «Голубе на крыше твоего дома»?

– Нет, к сожалению.

– Неужели не слышала? Его даже выдвинули на премию. Дебют года! Это еще одна причина, почему наш магазин уникален.

Уильям внезапно опустил голову, закрыв лицо руками, и Мартиник взглянула на него с удивлением.

– Дорогуша, не надо стесняться. Гордиться надо!

Сэм обернулась к Мартиник, покачав головой.

– А что такого? Мне, что же, уже и похвастаться нельзя собственным писателем нашей лавки?

При ее словах Уильям тяжело вздохнул, и Сэм положила руку ему на плечо.

– Да ладно, все образуется.

Мартиник окинула всех обеспокоенным взглядом.

– Что произошло?

– Он был сегодня на этой встрече, – прошептала Сэм.

– На какой встрече?

– С Дрейдой, издателем, – вздохнула Сэм, еще раз наполнив бокал Уильяма. – Вот, выпей еще немножко.

Не поднимая глаз, Уильям опустошил еще один бокал, между глотками бормоча что-то невразумительное. Шарлотта даже не знала, на чем остановить взгляд. Казалось, это была частная беседа, не предназначенная для ее ушей, и Шарлотта покосилась на дверь.

– Да все не так страшно, как ты думаешь, – попыталась успокоить его Мартиник, протягивая Уильяму тарелку с дымящимся, горячим рагу. Наклонившись над блюдом, он набрал полные легкие воздуха, прежде чем поднять глаза на Мартиник.

– Они угощали меня цельнозерновыми крекерами. Крекерами! Ты понимаешь? Самыми дешевыми!

Сэм протянула Уильяму ложку, и он начал поглощать рагу.

– Но как же рукопись? Ты же работал над ней целый год! Разве ты не говорил, что это – лучшее, что ты когда-либо писал?

Уильям закрыл глаза, а Сэм вздохнула, взглянув на Мартиник.

– Не говори так, – процедила она сквозь зубы.

– А что? – ответила Мартиник. – Он же сам так говорил! Он же светился от счастья всю весну, даже насвистывать начал!

Тяжело дыша, Уильям вполголоса изрек что-то нечленораздельное.

– Что он сказал? – прошептала Мартиник, обращаясь к Сэм, которая только помотала в ответ головой.

– Что ты сказал? – спросила Мартиник Уильяма, наполняя его бокал вином.

Он что-то пробормотал, а Шарлотта подумала, что наливать ему вино в таком количестве – не очень-то здравая идея.

– О... жи... да... ла, – расслышала она слова, которые выдавил из себя Уильям.

Все, кто сидел вокруг стола, наклонились к нему ближе.

– Ожидала? – переспросила Сэм.

Уильям кивнул, хотя никто не понял, что он имел в виду.

– Да, она сказала, что ожидала большего, – запинаясь, проговорил он. – Я ничего не понимаю. Ведь это же очень хорошо написано. Или, по крайней мере, мне так казалось, но теперь я уже ничего не знаю. По-видимому, ценность моей рукописи ничтожна. И сам я – ничтожество, она, похоже, даже не удосужится прочитать рукопись еще раз.

В тот момент, когда обстановка накалилась до предела, Мартиник поднялась и обняла Уильяма. Ложка упала из его тарелки на стол, и по белой скатерти растеклось маслянистое пятно от соуса.

– У меня есть большое желание встретиться с этой Дрейдой и высказать ей все, что я о ней думаю, – сказала Сэм, сжав руку в кулак, но Мартиник укоризненно взглянула на нее.

– Не думаю, что ты заставишь ее издать книгу.

– Это мы еще посмотрим! Ты хочешь, чтобы я отдала ее по полной? – разгоряченно спросила она, обратившись к Уильяму, который в ответ лишь обреченно покачал головой.

Шарлотта отпила большой глоток вина. Это, пожалуй, единственный возможный способ проявить солидарность, а то этот бедняга Уильям определенно вольет в себя все, что оставалось.

Ей по-прежнему не предложили рагу, да и вообще, заглатывать пищу, пока другие оказывают поддержку Уильяму в его тяжелом кризисе, было бы неудобно, но Шарлотта ужасно хотела есть и, только осушив второй бокал вина, вспомнила, что в сумке еще с самолета у нее остался пакет орешков.

Шарлотта деликатно наблюдала за застольной компанией, уплетая орехи кешью из паке-тика. Было в какой-то мере приятно смотреть, как Сэм и Мартиник успокаивали Уильяма. У Шарлотты никогда не было таких друзей. За исключением Аннет – лучшей подруги в средних классах. Шарлотте было сложно с кем-либо установить по-настоящему близкие отношения. Она никогда не знала, как завязать дружбу, а после того, как встретила Алекса, у нее просто не было потребности в другом общении. Но сейчас, когда Алекса рядом больше не было, случилось, что Шарлотта все-таки иногда испытывала одиночество.

Прошло достаточно много времени, прежде чем Уильям успокоился, и Мартиник обнаружила, что Шарлотте так и не досталось еды. Она спешно наполнила ее тарелку ароматным рагу и попросила прощения.

– Ой, как стыдно! Но ты не думай, у нас не всегда так. Когда мы обслуживаем клиентов, мы – профессионалы высшего класса, клянусь! Просто Уильям несколько месяцев с нетерпением ждал этой встречи, и мы все думали, что результат будет положительным.

Шарлотта взяла тарелку. Теперь, под воздействием вина, она почувствовала себя смелее и кивнула Мартиник.

– Ничего страшного. Можно, я задам вам вопрос о Саре?

– Конечно, – радостно прошептала она.

– Что все-таки моя тетушка рассказывала вам обо мне?

Прикусив губу, Мартиник принялась теревить свои модные длинные бусы из дерева.

– Полагаю, всего понемногу. Что ты живешь в Швеции и управляешь успешным предприятием. Еще, конечно, что ты боишься летать, и именно поэтому никогда не приезжала навестить ее.

Шарлотта обернулась к Сэм, которая, так же как и Мартиник, устроилась на барном стуле, и спросила:

– Сара говорила что-нибудь еще?

Сэм, задумавшись, почесала за ухом.

– А, да, что ты любишь разгадывать кроссворды. И смотреть американские сериалы.

Сэм попробовала немного рагу и незаметно откашлялась, прикрыв рот рукой, потому что горло загорелось от остроты. Каждый раз, когда они упоминали Сару, у них что-то менялось во взгляде. В глазах появлялся блеск, и Шарлотте не хватило мужества признаться, что единственный источник тетушкиных знаний о ней – это ее страница в Facebook.

Сэм наполнила ее бокал, и Шарлотта сделала еще один глоток. Она мучительно задавалась вопросом, зачем Сара лгала им о своей племяннице. И почему никогда не пыталась с ней связаться?

Внезапно Сэм просияла.

– У меня есть кое-что для тебя! – радостно сказала она и принялась искать что-то под прилавком.

Шарлотта не имела ни малейшего представления о том, что она имела в виду, и осторожно поглядывала на Уильяма, который по-прежнему сидел с поникшей головой. Хотя она и жалела его, было как-то неловко от того, что незнакомец пережил у нее на глазах такой надлом.

Нашупав белый конверт, Сэм приняла позу Элвиса и покрутила бедрами в ритме воображаемого рока.

– Вот, – сказала она, протягивая конверт Шарлотте.

Мартиник резко встала.

– Где ты нашла его?

Сэм пожала плечами.

– Конверт был вложен в книгу «Грозовой перевал», которую я взяла почитать у Сары. Она рассказывала, что часто писала тебе, Шарлотта, а это письмо, по-видимому, не успела отправить.

Шарлотта пристально смотрела на письмо. Сэм продолжала говорить, но в ушах у Шарлотты зашумело, и она внезапно перестала различать, что говорят другие. Как будто находилась под водой, и все звуки доносились до нее приглушенно с глухим эхом.

Она медленно прочитала имя адресата. «*Мисс Ридберг*» – витиеватые буквы были выведены синими чернилами.

Когда Шарлотта ощупывала пальцами края конверта, сердце бешено колотилось. Значит, это письмо Сара написала ей? И собиралась отправить?

Шарлотта поднесла к губам бокал с вином и стала пить большими глотками, пока не осушила его. Сэм сказала, что Сара часто писала ей. Почему Шарлотта никогда не получала писем от нее?

Застигнутая врасплох чувством опьянения, она прижимала к груди письмо. Где-то в отдалении звучал искаженный голос Сэм.

– Открой же его! Я хочу узнать, написала ли она тебе что-нибудь про нас.

Голова кружилась, и Шарлотта отчаянно пыталась различить голоса, доносившиеся с разных сторон, но единственное, о чем она могла сейчас думать, это – письма Сары. Если она действительно писала ей письма, то где же они?

3. Вторник, 5 сентября

Солнечные лучи упрямо лезли в глаза, от чего Шарлотта раздраженно заморгала. Вытянув руку, попыталась на ощупь опустить гардины, но обнаружила, что диван стоит далеко от окна.

Устало огляделась вокруг. Она по-прежнему в квартире Сары.

В голове пульсировало, к горлу подступала легкая тошнота, сверху лежало незнакомое одеяло. Как она попала сюда, кто уложил ее спать – Сэм с Мартиник?

Шарлотта быстро поджала ноги, когда кто-то внезапно пошевелился на другом конце дивана. Кот довольно перевернулся на спину и замурлыкал так звучно, что задрожали кончики длинных белых усов. Как там его зовут? Теннисон? Он что, всю ночь лежал в ее ногах?

Шарлотта обхватила голову и вздохнула. Как бы она ни старалась, ей не восстановить в памяти события предыдущего вечера. Смутные, отрывочные воспоминания об ужине, конечно, остались, но было совершенно непонятно, как она вновь очутилась в квартире Сары. «Вино! – подумала она. – Нечего было столько пить!» Как, черт возьми, она поднялась по этой крутой лестнице? Остается надеяться, что им не пришлось нести ее сюда!

Шарлотта подавила стон. Почему она позволила себе напиться? И что она говорила другим? Призналась ли она, что вовсе не была знакома с Сарой и что все, вместе взятое, было странным обманом, выдуманным ее теткой?

Во рту пересохло, в глазах – как будто песок. Растерев лицо руками, Шарлотта огляделась в поисках чего-нибудь, пригодного для питья. В одном конце комнаты была оборудована маленькая кухня, Шарлотта медленно поплелась туда и достала из буфета стакан.

Вода из-под крана отдавала хлоркой, но жажда была столь сильна, что Шарлотту это не остановило, и она быстро выпила два стакана, заметив при этом, что кто-то неаккуратно свалил на пол лежавшие на диване книги, и теперь они были разбросаны по всей комнате. Несколько стопок газет и исписанных листов бумаги тоже были опрокинуты. Кто виновник беспорядка – она или кот? Потом Шарлотта вспомнила про письмо, и у нее перехватило дыхание. Куда оно делось?

Нетвердой походкой она пересекла комнату, вернувшись к дивану, на котором провела ночь, перевернула одеяло и подушки, но ничего не нашла. Теннисон все еще, растянувшись, лежал на диване и занимал добрую его половину; Шарлотта удивилась, как они поместились тут вдвоем. Она угрюмо ткнула его в бок.

– Извини, но, пока ты так лежишь, мне не проверить, что там за подушками.

Прежде чем подняться и элегантно спрыгнуть на пол, кот обиженно взглянул на нее. Потом, поведя носом и всем своим видом выражая недовольство столь бесцеремонным отношением, кот удалился.

– Ну, ты уж прости меня, пожалуйста, – прокричала она вдогонку, не в силах сдержать улыбку, оценив его самодовольство.

Засунув обе руки между диванными подушками, Шарлотта вытащила старый лотерейный билет, две ириски и записку с каким-то рецептом, но письма там не обнаружилось.

Она уже хотела остановить поиски, но вдруг увидела на полу свою сумочку. В нетерпении перевернула ее вверх дном, вывалив на диван пинцет, несколько монет и два тампона. Еще потрясла и, не вытряхнув ничего нового, стала шарить рукой, пока не нащупала свернутую в трубочку бумагу, засунутую в один из внутренних карманов. Сделав глубокий вдох, достала находку.

Внимательно изучила мятый, неаккуратно вскрытый конверт. Никак не вспомнить, открывала ли она его.

Шарлотта осторожно вытащила письмо. Бумага была в пятнах, в некоторых местах чернила растеклись. Шарлотта прищурилась. Слезы? Она читала письмо и плакала?

Где-то внутри забурило беспокойство. Что же все-таки произошло накануне вечером?

Она в молчании принялась за чтение, сосредоточенно пытаясь разобрать витиеватый почерк.

«Милая Кристина», – было написано в первой строке письма. Кристина? Значит, письмо предназначалось не Шарлотте, а ее матери.

Взгляд скользнул за окно. Город по-прежнему был в утренней дымке, контуры зданий размыты. Тауэрского моста не наблюдалось.

Шарлотта потрогала письмо кончиками пальцев. Хватит ли ей моральных сил прочесть его? И надо ли ей это?

Она глубоко вдохнула. Она приехала сюда, в такую даль, вообще ничего не зная о Саре. Возможно, это письмо – единственный шанс разобраться, что произошло между матерью и теткой, и таким образом понять, почему Сара завещала ей свой дом. Этот шанс упускать было нельзя.

До боли прикусив губу, Шарлотта развернула мятый лист бумаги.

Милая Кристина,

Я до сих пор помню, как мы сошли с парома в Феликстоу. Помню, как мы были счастливы и с волнением смотрели в будущее. Только ты и я. Большие у нас никого не было.

Ты помнишь, какая у тебя была сумка? Дедушкина, старая, вся в ремнях. Ты тащила ее всю дорогу сама, отказываясь от моей помощи. Отпустила только в метро, перед подъемом по длинной лестнице, позволив какому-то парню в костюме с иголки донести ее. Ты помнишь, как мы смеялись, когда его шляпу сдуло ветром, и ему пришлось бежать за ней?

А эти первые ночи, проведенные в Шведской церкви? Это было волшебно – спать, зная, что там, за окном – целый город, и он ждет нас. Ты помнишь, как добры были к нам служители церкви? Как они угощали нас булочками несмотря на то, что нам нечем было заплатить?

Подумать только, уже тридцать лет, как мы не виделись. Иногда я думаю, как бы все сложилось, если бы мы никуда не уезжали? Может быть, мы могли бы остаться в Оребу и получить работу в деревне, как все другие. Была бы ты тогда по-прежнему сестрой мне?

Эх, Кристина, мне очень жаль, что так случилось, и я готова сделать все, что угодно, лишь бы вернуть все назад. Мне бы так хотелось поговорить с тобой и объясниться, но я понимаю, что ты этого не хочешь.

Я надеюсь, что когда-нибудь ты простишь меня.

Твоя Сара.

Шарлотта отложила письмо в сторону. В горле першило, и ей пришлось несколько раз сглотнуть, чтобы избавиться от неприятного ощущения.

Что же Сара сделала с ее матерью? Судя по письму, у них были очень близкие отношения, и только что-то очень серьезное могло заставить Кристину никогда больше не встречаться с ней. И почему Сара написала письмо Кристине сейчас? Разве она не знала, что ее сестра скончалась и что она сменила фамилию, выйдя замуж черт знает сколько лет назад?

Пытаясь вспомнить, рассказывала ли ей мама что-нибудь о поездке в Англию, Шарлотта взяла телефон и ввела в строке поиска «Феликстоу». Небольшой городишко, но там располагался один из крупнейших портов Великобритании. Значит, ее мама бывала там?

Заметив на экране телефона время, Шарлотта выпрямилась. Без четверти девять. Она никогда так поздно не просыпалась! Чтобы успеть на встречу с адвокатом, придется ускориться.

Прошла целая вечность, прежде чем из душа потекла теплая вода, а когда Шарлотта встала под струю, оказалось, что температура воды постоянно меняется. Шарлотту передергивало от перепадов между теплом и холодом, но хотелось смыть с себя грязь после поездки и ночи, проведенной на диване, поэтому мылась она как следует.

Отдернув мешковатую занавеску, Шарлотта заметила Теннисона, сидевшего у двери в ожидании. Когда она вышла из душа, ноги утонули в шерстяном ковре, устилавшем весь пол ванной комнаты, и Шарлотта почувствовала, как вода выступила между пальцами. В тот же момент к ней подошел Теннисон и потерся о ее мокрые ноги.

Шарлотта вздрогнула и бросила на пол полотенце, пытаясь прогнать кота, даже и не подумав при этом, сколько грязи может таить в себе ковровое покрытие в ванной комнате.

– Тебе что, делать нечего? – обиженно спросила Шарлотта, но, к своему удивлению, в ответ услышала нежное мурлыканье. Она совершенно не привыкла к домашним животным, и, когда Теннисон с любовью взглянул на нее, Шарлотта покорно вздохнула. – Ну ладно, можешь остаться. Только постарайся, пожалуйста, больше не пачкать меня шерстью, у меня, между прочим, важная встреча.

Одевшись, она поняла, что до встречи с адвокатом оставалось еще сорок пять минут. Шарлотта вернулась к кухонному уголку, чтобы посмотреть, есть ли там что-нибудь перекусить. Теннисон следовал за ней и заискивающе терся об ее ноги.

Шарлотта возвела глаза к небу.

– Ну правильно, ты же голодный! Подожди, может быть, я найду что-нибудь.

Она открыла холодильник, но там лежала только упаковка сыра в нарезке. Шарлотта предложила кусочек Теннисону, а он взглянул на нее, как на сумасшедшую, и отвернулся.

Носик чайника окружал ободок известкового налета. Шарлотта наполнила чайник наполовину.

Пока вода закипала, Шарлотта воспользовалась моментом, чтобы обыскать шкафы и ящики комодов на случай, если тетушка спрятала где-нибудь неописанные в завещании ценности. Люди ведь иногда находили в старых домах настоящие сокровища, а Сара явно не тратила свои средства, по крайней мере, на предметы домашнего интерьера.

Кухонный уголок был оборудован плохо, и у Шарлотты сложилось впечатление, что тетушка много не готовила. Газовая плита состояла всего из двух конфорок, мойка крошечная, духовка отсутствовала – ее, очевидно, заменяла микроволновка. Только один из кухонных ящиков был заполнен посудой. За покосившейся дверцей стояла печальная коллекция разнообразных кружек и блюдец, большая часть из них – с отбитыми краями и поблекшим рисунком. В других шкафчиках аккуратными рядами стояли книги, и здесь практически каждый миллиметр пространства использовался эффективно.

Шарлотта улыбнулась. Она сама относилась к типу хозяек, которые смотрели в Интернете, как сварить яйцо, а оставшись без Алекса, кухонное пространство использовала в основном для хранения продукции своего предприятия, так что, по крайней мере, в этом они с Сарой были похожи.

Выпив чашку чая с парой сухих крекеров, найденных в одном из кухонных ящиков, Шарлотта обошла квартиру. То, что здесь проживала сестра ее матери, казалось нереальным. Что все разбросанные здесь вещи – щетки для волос, ручки, очки для чтения и колготки – принадлежали Саре.

Теннисон, очевидно, простил Шарлотте оплошность с сыром, потому что теперь ходил за ней хвостиком по всей квартире. Когда они подошли к закрытой двери, он сел перед ней и замяукал. Шарлотта покосилась на него. Она подозревала, что это спальня Сары, и по какой-то

причине чувствовала, что туда заходить не стоит, потому что это пространство было слишком личным.

– Не сейчас, – сказала она, но кот не отступал. Он продолжал мяукать, и в его голосе все отчетливее звучали нотки отчаяния. В конце концов Шарлотта не выдержала и взяла его на руки.

– Да ладно тебе мяукать, – сказала она, поглаживая его по мягкой серебристо-серой шерсти. – Мы найдем, чем тебе перекусить, там, внизу.

Повернувшись, Шарлотта заметила фотографию на стене. Свет в прихожей был слабым, и ей пришлось подойти почти вплотную, чтобы различить черты лица на черно-белом портрете.

Продолжая гладить Теннисона, который совершенно беззастенчиво уткнулся носом в ее подмышку, Шарлотта прищурилась. На фотографии был изображен мужчина с русыми, зачесанными назад волосами и свисавшей на лоб прядью. Рукава футболки были высоко закатаны; он сидел на стуле, наклонившись вперед, и самоуверенно улыбался.

Шарлотта оценивающе рассмотрела фотографию. В ней было что-то знакомое, но было сложно определить, что именно. Снимок явно было старым. Изображение нечеткое; одежда по стилю похожа на восьмидесятые.

Теннисон выскользнул из ее объятий и спрыгнул на пол, но Шарлотта стояла на месте. Ей было не оторваться от снимка. Было что-то интригующее в том, как мужчина смотрел в объектив. Что-то в его взгляде возбудило ее любопытство, заставив задаться вопросом, кем он был.

Внезапно сработал сигнал напоминания в календаре мобильного телефона, это означало, что до встречи оставалось полчаса. Ей пора.

В прихожей Шарлотта надела куртку и проверила карманы, где лежали мобильный, бумажник, антисептик для рук и ключи от квартиры Сары. Прежде чем уйти, Шарлотта бросила последний взгляд на мистическую фотографию мужчины, потом захлопнула за собой дверь и быстро спустилась по лестнице, Теннисон следовал за ней по пятам.

4. Среда, 18 августа 1982 года

Свежий морской ветер развеивает ее волосы. На фоне глухого бурчания теплоходных двигателей раздается сигнальный гудок большого корабля, который теснится вместе с рыболовными судами на входе в гавань. Над ними кружат разгоряченные чайки, а из большого ангара на борту парома слышны звонкие удары металла.

Звуки порта ошеломляют, но Кристина не может сдержать улыбку. Именно этого она так ждала. Корабль швартуется, и в груди бьется чувство свободы. Они причалили. Наконец-то! Все прошлое осталось позади. Жизнь начинается заново, с чистого листа.

Когда они спускаются на берег, Сара протягивает ей руку. Кристина сдвигает брови, как будто это неуместно, но на самом деле рада, что может опереться на сестру. Несмотря на большие ожидания, она немного нервничает. В Англии они никого не знают. У них нет ни работы, ни жилья, ни возможности вернуться домой.

Каждый раз, когда она вспоминает, что назад пути нет, приходится изо всех сил брать себя в руки, чтобы не расплакаться. Не потому, что она ужасно хочет вернуться домой. Нет, уж кто-кто, а она-то счастлива, что они уехали. Ее скорее пугает само ощущение. Что назад не вернуться. Если что-нибудь ужасное случится в этом новом городе, им попросту некуда будет уехать отсюда.

Она пыталась рассказать об этом чувстве Саре, но сестра, похоже, не понимает ее. Она только говорит, наклонив голову набок, что Кристине не стоит так беспокоиться. Сара уверяет ее, что все будет хорошо. У них все будет замечательно.

На самом деле вся поездка была идеей Сары. Именно она хотела скопить немного денег, чтобы уехать отсюда подальше, и именно она предложила уйти посреди ночи. Иначе, говорит Сара, он никогда бы не отпустил с ней Кристину.

Дорогу из порта к железнодорожной станции сестры ищут долго. Им приходится побродить вокруг с дорожными сумками, прежде чем они наконец находят правильный путь.

Каждый раз, когда Кристина искоса смотрит на Сару, та слегка улыбается ей в ответ. Сестра светится от счастья. Они уже здесь. Приключения могут начаться в любой момент. Наконец-то они заживут настоящей жизнью! Наконец-то они покинули Оребу!

Солнце начинает припекать, у Кристины потеет шея, но она все равно не хочет снимать плащ. В нем она чувствует себя увереннее.

Сара подмигивает ей.

– Ты голодная? Бутерброды купим?

Она открывает сумку с кожаными ремнями, купленную специально для поездки. В последние полгода Сара работала кассиром в универсаме, чтобы отложить деньги. Кристина, которая только что закончила школу, тоже работала, но не так много. В основном помогала на кухне в таверне.

– А денег хватит?

Сара закатывает глаза.

– На бутерброды? Конечно, хватит! И не надо так безумно волноваться.

Она достает пятифунтовую купюру и машет ею перед Кристиной.

– Сторожи сумки. Я сбегаю к киоску, мимо которого мы проходили.

Кристина садится на скамейку, перед которой стоит небольшой столик, и ждет. Сара исчезла за углом, а ее сестра не спускает глаз со здания, из-за которого она должна появиться. При виде прохожих Кристина пытается выглядеть занятой, потому что смертельно боится, что кто-нибудь заговорит с ней. Что она тогда скажет? Ее школьные знания английского достаточно скудны, и вдобавок она стесняется. Ей повезло, что у нее есть Сара. Сестра ничего не боится.

Это Сара все спланировала. Она знает, на какой поезд они должны сесть, а потом – на какую ветку метро. Это Сара написала в церковную общину и попросила о ночлеге в гостевом доме, у нее есть адрес.

Кристина пытается читать вывески вокруг, мысленно тренируя произношение. Она знает, что скоро надо будет осмелиться говорить. Честно говоря, ей вовсе не хотелось ехать в Англию. Она бы куда охотнее осталась в Швеции. Но Сара полагала, что в Стокгольме приключений не найти. «С таким же успехом мы можем и здесь остаться», – говорила она, вздыхая. В конечном итоге все решения принимала Сара. Кристина подчинялась ей, хотя в действительности единственное, чего она хотела – это уехать из Оребу. Уехать от него.

От всех новых впечатлений клонит в сон, она закрывает глаза, но скоро вздрагивает – кажется, будто кто-то шепчет на ухо. Это его голос. Она слышит его очень явственно, хотя рядом никого нет.

Кристину бросает в дрожь, она оглядывается вокруг. Не мог же он преследовать их всю дорогу до самой Англии?

От этой мысли мурашки пробегают по всему телу, и Кристина ищет глазами Сару. Ну где же она? Почему не возвращается? Сколько времени надо, чтобы купить этот дурацкий бутерброд?

Сердце бьется все сильнее, и Кристина хватается за ручки обеих дорожных сумок. Может быть, пойти и проверить, куда подевалась Сара? Хотя сумки очень тяжелые, они набиты до предела. Далеко с ними ей не уйти.

Проходит еще несколько минут, и Кристина чувствует, как под одеждой струится пот, но все равно не хочет снимать плащ.

Ну почему же Сара просто не может сейчас вернуться?

Сняв рюкзак, она плотно прижимает его к груди. Думает об отце. Как он сейчас, должно быть, сердится. В первую очередь на Сару. Он всегда больше всего злится на нее.

Кристина с усилием сглатывает слюну. Лучше даже не представлять, что случится, если он найдет их. Что он сделает с Сарой. «В этом ничуть не меньше твоей вины, Кристина. Смотри теперь, каково твоей сестре. Думать надо было, прежде чем идти на такую страшную глупость. Нечего глаза закрывать. Смотри на меня! Смотри на нее!»

Когда радостное лицо Сары наконец выглядывает из-за угла, Кристина вздыхает с облегчением. Его здесь нет, напоминает она себе. Он далеко отсюда, ему уже больше до них не добраться.

Сестра идет неторопливой походкой и выглядит расслабленной, словно чувствует себя здесь как дома. Как будто всю жизнь только и делала, что покупала бутерброды на вокзале в Феликстоу.

– У них был только сыр. Да и хлеб не ахти как выглядит.

Сара протягивает Кристине завернутый в бумагу бутерброд и ставит на столик две стеклянные бутылки.

– Вишневая газировка, – радостно говорит она.

– Почему так долго? – Кристина пытается говорить рассерженным тоном, но этого сложно добиться, когда Сара улыбается.

– Разве долго? – Она садится, разворачивает бумагу, высвобождая тонкие ломтики хлеба, и откусывает. – Ммм! Английский бутерброд. Такой сухой, что и проглотить-то трудно.

Кристина морщит лоб.

– Мне не нравится, когда ты уходишь от меня. Мы должны...

– Держаться вместе, – вставляет Сара. – Я знаю. – Она оценивающе смотрит на младшую сестру и сдувает с ее лба растрепавшуюся прядь волос. – Ты правда беспокоилась?

Кристина поводит плечами и опускает глаза. Сара откладывает в сторону бутерброд и пододвигается к ней поближе.

– Извини, – говорит она и треплет Кристину по плечу. – Это было глупо с моей стороны. Но знаешь, что?

Кристина мотает головой.

– Я не буду больше исчезать.

Кристина косится на старшую сестру и кивает в сторону газировки.

– Папа не одобрил бы, что мы так транжирим.

Взяв в руки одну из бутылок, Сара открывает ее и протягивает Кристине, прежде чем открыть другую себе.

– Но его здесь нет, – говорит Сара, откидывая назад челку.

Сестра поднимает свою бутылку и чокается ею с Кристиной:

– Теперь мы решаем все сами.

Кристина качает головой.

– Я серьезно говорю. Что ты собираешься делать?

Поднеся бутылку ко рту, Сара пьет так жадно, что красная пена льется через край.

– Пить из бутылки?

Кристина улыбается.

– И локти на стол? – говорит она, наклоняясь к столику, чтобы облокотиться на него.

– И локти на стол, – говорит Сара, но вместо этого обнимает Кристину за плечи.

– Не надо так беспокоиться. Все устроится, – говорит сестра, делая еще один глоток газировки.

Кристина вздыхает. Хотела бы она быть такой же невозмутимой, как сестра, но она просто другая.

– Как ты не понимаешь? Ведь мы уже здесь, в Англии! Мы прибыли! Теперь мы можем делать абсолютно все, что нам вздумается.

Кристина кивает, откусывая бутерброд. Он действительно сухой и царапает язык. Заливистый смех сестры действует на нее заразительно, вызывая улыбку.

– Мы можем пить противную газировку и есть сухие бутерброды сколько нам вздумается, – вопит сквозь смех старшая сестра.

– Только ты и я, – говорит Кристина, опираясь на плечо Сары.

– Только ты и я, – вторит сестре Сара, прижимаясь к ней щекой.

5. Вторник, 5 сентября, продолжение

– То есть вы полагаете, что сдавать дом в аренду – не очень хорошая идея?

– Нет, теперь, когда вы видели дом своими глазами, вы, конечно, понимаете, что управление жильем и коммерческим помещением будет очень хлопотным делом. Если вы не планируете сюда переезжать, я рекомендую сразу продать недвижимость.

Шарлотта посмотрела на серебряную табличку, стоявшую перед ней. Мистер Херальд Хук, адвокат Сары, выглядел совсем не так, как она себе его представляла. Сидевший за заваленным бумагами столом, одетый в футболку поло и слишком обтягивающий манчестерский костюм, он напоминал скорее учителя труда семидесятых годов, чем британского юриста.

– Я не могу здесь остаться, – со всей серьезностью произнесла Шарлотта.

Мистер Хук кивнул.

– Ну, тогда продавайте, и чем быстрее, тем лучше. А я могу помочь со всеми практическими вопросами.

Шарлотта вздохнула. Она надеялась сдать книжный магазин в аренду кому-нибудь, кто продолжит управлять им, но в то же время знала, что мистер Хук прав. Самое простое решение – продать.

– Важно, чтобы мы нашли покупателя, который мог бы сохранить книжный магазин «Риверсайд». Я не хочу, чтобы он закрылся. Мы должны думать о сотрудниках.

В уголках губ адвоката мелькнула довольная улыбка, и он смахнул крошки, оказавшиеся на лацкане пиджака мшисто-зеленого цвета.

– Не факт, что получится, но я постараюсь. А сотрудники, так или иначе, справятся с ситуацией. В таком большом городе, как Лондон, рабочих мест много.

Шарлотта сделала попытку подняться. Она, честно говоря, думала, что мистер Хук будет пытаться уговорить ее сохранить лавку, но он, судя по всему, тоже хотел найти быстрое решение.

– Если мы закончили, мне пора возвращаться.

– Да, конечно.

– Как вы полагаете, сколько времени уйдет на продажу дома?

Мистер Хук начал перебирать свои бумаги.

– Надеюсь, несколько недель, – весело сказал он. – В худшем случае, пару месяцев. Я могу сообщить вам все подробности, как только переговорю с маклером.

– Да, сообщите, пожалуйста. Я, скорее всего, в ближайшее время вернусь в Швецию, но вы можете позвонить мне на мобильный.

Тяжело поднявшись, он передвинул три чашки из-под кофе, чтобы собрать разбросанные по столу папки с документами.

– Это годовые отчеты, документы по займам и все остальное, о чем вы просили.

Взяв бумаги, она засунула их в сумку.

– Я занимаюсь оценкой наследства и надеюсь, что предварительную стоимость смогу назвать в ближайшее время, – продолжил он. – Только не забудьте заполнить бумаги, которые я послал вам для оценки движимого имущества, чтобы рассчитать налог на наследство.

Шарлотта кивнула и мысленно окинула взглядом весь хлам в квартире Сары. На то, чтобы все осмотреть, уйдет уйма времени, а стоимость вряд ли будет значительной.

– Конечно, я постараюсь сделать это быстро.

Мистер Хук был явно в приподнятом настроении.

– Вы ведь были готовы вложить немного своих средств, на случай если сбережений Сары будет недостаточно, правда?

– Да, – коротко ответила она.

– Хорошо. Но, если вы продадите дом в течение шести месяцев, вы, конечно же, сможете использовать прибыль для уплаты налога.

– Благодарю за помощь.

Он улыбнулся.

– Не стоит благодарности. Если будут еще вопросы, обращайтесь.

По пути обратно Шарлотта, несмотря ни на что, испытывала некоторое облегчение. Ей действительно очень хотелось бы, чтобы магазин Сары сохранился, но у нее не было возможности остаться здесь и управлять им, а Сэм и Мартиник, конечно же, поймут ее.

Светило солнце, Шарлотта шла вдоль маленькой улочки, где было полно магазинов. Выстроенные в ряд, как декорации на киностудии, они блестели выставленными на тротуаре разноцветными стойками с товаром.

Несмотря на середину дня, на улицах было много народу. На маленькой спортивной площадке дети играли в футбол, у входной двери, выкрашенной в черный цвет, мужчина сидел на складном стульчике и загорал.

В индийской закусочной Шарлотта выбрала треугольный бутерброд с сыром в пластиковой упаковке. Женщина за прилавком была одета в маленькое сари, украшенное золотой ниткой, на лбу у нее красовалось бинди. В магазинчике пахло кари и корицей, и Шарлотта подумала об Алексе: если бы он был рядом, то обязательно подколот бы ее, спросив, почему это она не пробует индийские деликатесы.

Получив свой белый пластиковый пакет, Шарлотта улыбнулась и поблагодарила женщину. Она боялась, что город с его многочисленными жителями и звуками будет вызывать у нее тревогу, но, несмотря на изобилие впечатлений, ей удавалось сохранять спокойствие. Никто ее здесь не знал и не смотрел на нее с навязчивым трагизмом, как на молодую вдову.

За последний год Шарлотта едва находила в себе силы, чтобы дойти до центра городка, в паре километров от которого располагался ее дом. Каждый раз, когда она выходила из дома, у нее создавалось впечатление, что все бросают на нее сочувственные взгляды, как будто точно зная, что это именно она, и перешептываются: «Это она. Это ее муж погиб при странных обстоятельствах».

Шарлотта искоса посмотрела на другую сторону улицы, надеясь, что найдет дорогу обратно в «Риверсайд», не заглядывая в мобильник, хотя до адвокатской конторы она доехала на такси.

В мегаполисе жизнь ощущалась совсем не так, как в сельской местности. Казалось, здесь все так торопятся, что пассажирам приходится выпрыгивать из красных двухэтажных автобусов практически на ходу.

Дома, в Швеции, напротив, народ жил спокойно, без лишней спешки, а если кто-нибудь когда-нибудь и боялся опоздать, то мог почти с полной уверенностью рассчитывать, что застрянет, не имея возможности обогнать трактор, который тащится со скоростью тридцать километров в час.

Шарлотта повернулась лицом к солнцу. Лондон вовсе не был серым и скучным, каким она себе его представляла. Широкие дороги и железнодорожные мосты с грохочущим транспортом соседствовали с уютными жилыми кварталами, где перед домами были устроены маленькие садики с качелями и песочницами, а рестораны и магазины располагались почти вплотную с историческими памятниками, красочными парками, церквями и ночными клубами. Да, городская среда здесь разнообразна, это уж точно, и даже при том, что сама Шарлотта никогда не хотела бы жить здесь, теперь ей было понятно, чем этот город привлекал миллионы людей. Алекс, который постоянно твердил, что им надо съездить в Лондон, гарантированно захотел бы остаться здесь еще на пару дней.

Шарлотта закрыла глаза. Честно говоря, она немного опасалась уезжать, покидая их с Алексом дом. Там все напоминало о муже, и, уезжая, она боялась утратить ощущение близости

сти к нему, которое по-прежнему испытывала, но, к счастью, оно не исчезло. Агнета обычно говорила, что она носит частицу мужа в своем сердце, и, хотя Шарлотта считала, что это звучит нелепо, лучшего объяснения она не находила. Кроме того, Хенрик в своих сообщениях докладывал, что в «Шарлотте и Ко» все под контролем, так что, может быть, ей и не надо было так торопиться домой.

Последний отрезок пути Шарлотта шла вдоль Темзы, глядя на воду. Широкая серебристая река прорезала насквозь оживленный городской пейзаж Лондона. Красивые старинные каменные здания разных оттенков перемежались с блестящими небоскребами и башнями церквей, а в отдалении виднелся огромный купол, вероятно, собора Святого Павла.

Шарлотта понимала, что ей будет нелегко рассказать Сэм и Мартиник о решении продать дом, но надеялась выплатить им премиальные из прибыли от продажи. А если действительно не удастся найти покупателя, который захочет сохранить магазин, и придется их уволить, она обеспечит им приличное выходное пособие, хотя, конечно, надо надеяться, что до этого не дойдет.

На душе у Шарлотты потеплело, когда она завидела Риверсайд Драйв, весь заполненный разнообразными, нарядно выстроившимися в ряд лавками. У большинства домов так же, как и у книжной лавки, были крашенные деревянные фасады. Фасад маленькой пекарни был выкрашен в лимонно-желтый цвет, бутика детской одежды – в малиновый, лавки эко-продуктов – в бирюзовый, цветочного магазина – в фиолетовый, а паб «Роуз» – в темно-красный цвет. В витринах большинства заведений красовались милые украшения, а над входом висели оригинальные самодельные вывески.

Шарлотта вдохнула аромат свежее выпеченного хлеба, доносившийся из булочной, дверь в которую была слегка приоткрыта, затем прошла мимо лавки, где продавали сыр и колбасы. Там с подвесной полки свисали круги домашней колбасы, а на стеклянном прилавке стояла добрая сотня сортов сыра и ветчины.

Квартал напоминал старинный маленький городишко, и Шарлотта не могла не задуматься, как бы высказался по этому поводу Алекс, будь он жив. В отличие от нее муж всегда обладал авантюрной жилкой и, скорее всего, стал бы настаивать на том, чтобы управлять магазином параллельно с «Шарлоттой и Ко». Но тогда бы они и ответственность делили на двоих. «Это совсем не то же самое, что делать все в одиночку», – подумала она, тяжело вздохнув. Без Алекса все стало намного сложнее.

Она задержалась на секунду перед витриной с детской одеждой, и при виде маленьких белых платиц с воланами и розовыми розочками на талии у нее засосало под ложечкой. Еще не так давно она не могла пройти мимо подобных магазинов, обязательно что-нибудь покупая. Дома у нее скопился целый ящик восхитительных маленьких ползунков, вышитых платиц и колготок ручной вязки. Подбирая лучшее из всего, что видела, она около двух лет собирала одежду для их с Алексом будущего ребенка.

Шарлотта сглотнула слезы. Нет, не готова она еще к таким мыслям. Еще до конца не осознав, что Алекс оставил ее бездетной, Шарлотта понимала – времени у нее осталось немного. Пару раз она даже подумывала о том, чтобы попробовать завести ребенка, но в основном эти мысли вызывали у нее лишь огромную тревогу.

Приложив руку к груди, Шарлотта стала считать на вдохе и выдохе. Раз, два, три – вдох, раз, два, три – выдох. Это одна из немногих полезных вещей, которым научила ее Агнета. Пульс постепенно снижался, но, когда Шарлотта увидела такую же голубую музыкальную подвеску, как та, которую однажды купил для нее Алекс, на глазах выступили слезы, и она поспешила удалиться.

Вернувшись в квартиру Сары, Шарлотта расчистила маленький обеденный столик, чтобы разложить годовые отчеты и документы по займам, и, откусывая бутерброд, принялась изучать результаты деятельности магазина.

В первые годы работы «Шарлотты и Ко» они с Алексом самостоятельно вели бухгалтерию, поэтому, несмотря на английский язык отчетности, она достаточно быстро разобралась, что означают различные цифры.

Шарлотта просматривала документ за документом, и каждая страница все больше удручала ее. Ориентируясь на эффектный антураж, она все-таки предполагала, что финансовые дела магазина обстоят благополучно, но скоро ей стало ясно, что тетушка не очень хорошо представляла себе, как сделать бизнес успешным. По отчетам, магазин даже не выходил на точку безубыточности. Похоже, выручки не хватало на покрытие текущих расходов, таких, как зарплаты сотрудникам и закупки.

Она медленно пережевывала последний кусочек бутерброда. Чтобы как следует во всем разобраться, потребуется время, так что ей, вероятно, придется остаться здесь до конца недели.

Шарлотта сделала запись в найденном на полу маленьком блокноте. Судя по всему, единственное, что спасало лавку от банкротства – это многочисленные займы, которые Сара получила под залог дома и использовала на покрытие всех издержек.

Она закрыла лицо руками. Будет трудно найти покупателя, который согласится приобрести убыточную книжную лавку. К тому же дом столько раз закладывали, что после продажи и уплаты налога на наследство вряд ли останется хоть какая-то прибыль. Другими словами, в случае закрытия магазина ей, вероятно, не из чего будет выплатить Сэм и Мартиник приличные выходные пособия.

Шарлотта встала и начала бродить взад и вперед по квартире. Почему адвокат не предупредил ее об этом? Неужели он не осознавал, насколько плохо обстоят дела?

Вздыхнув, она перешагнула через стопку книг, лежавшую на полу. Эта квартира точно прошла бы отбор для участия в телешоу, где маниакальным скрягам-собираателям помогают навести порядок. Чем больше времени Шарлотта проводила здесь, тем больше ей хотелось надеть резиновые перчатки, взять пакеты для мусора, бутылку чистящего средства с хлоркой и как следует убраться.

Зацепившись колготками за обложку одной из книг, Шарлотта опрокинула на пол целую стопку и в отчаянии опустилась на корточки рядом с ней.

Одна из упавших книг называлась «Мир глазами Гарпа». Шарлотта провела по заголовку большим пальцем. Что на самом деле побудило Сару включить ее в свое завещание? Почему тетушке так хотелось, чтобы племянница приехала сюда?

Она открыла книгу и полистала, потрогав мягкую, бархатистую бумагу. Дойдя до титульного листа, Шарлотта заметила, что там что-то написано. Она сразу узнала почерк тетушки, уже виденный ею в письме.

Даниэлю. Я люблю тебя.

Прислонившись спиной к стене, Шарлотта оценивающе рассмотрела приветствие. «Даниэль, – подумала она. Кем он был – молодым человеком Сары или даже, может быть, ее мужем?»

Шарлотта сглотнула от волнения. Все-таки ужасно странно, что ей ровным счетом ничего не было известно о тетушке, которая жила здесь на протяжении всей жизни племянницы и никогда не общалась с ней. И хотя Кристина почти не упоминала Сару, Шарлотта не могла отделаться от ощущения, что все это каким-то образом было связано с матерью. Сара, очевидно, искала контакт с сестрой, иначе зачем она написала ей письмо и завещала племяннице книжную лавку?

Шарлотта попыталась вспомнить, слышала ли она когда-нибудь от матери имя Даниэль. Кристине нравился роман «Мир глазами Гарпа», а вот рассказывала ли мать хоть раз, как ей жилось до рождения дочери?

Где-то в подсознании начала созреть мысль, но, не успев додумать ее до конца, Шарлотта услышала стук в дверь, отложила книгу в сторону и поднялась на ноги.

6. Пятница, 24 сентября 1982 года

Стена холодна как лед, но она все равно прижимается к ней. За дверью слышны крики и грохот. Кто-то принес магнитофон, от громкой музыки вибрирует пол. Джо Страммер кричит хриплым голосом: «Я просто ищу развлечения» (I am only looking for fun).

Плотно сжимая глаза, Кристина натягивает одеяло до самого подбородка, но уснуть невозможно. Она переворачивается на бок и смотрит в сторону крошечного окна. Через тонкую занавеску проникает свет уличного фонаря, и слышно, как вопят посетители у входа в паб.

Скоро придет Сара. Кристина почти никогда не засыпает, прежде чем сестра вернется домой.

Кристина переворачивается на другой бок, устремив взгляд в стену, и думает, как же ей противно здесь жить, а в соседней комнате в это время кто-то орет песню «Лондон горит» (London's burning).

Кристине здесь совсем не нравится. Все совершенно не так, как она себе представляла. У них с Сарой нет своей квартиры, нет маленького кухонного столика, накрытого скатертью, и фарфора в цветочек. Они думали, что начнут с чистого листа строить собственную жизнь, а вместо этого живут в общежитии, где, похоже, никто из соседей никогда не спит.

Когда Сары нет дома, Кристина почти не решается выходить из комнаты. Ее раздражает, что они всегда под кайфом, и ей приходится убирать из раковины шприцы, когда она хочет умыться.

Работу своей мечты им тоже найти не удалось. Сара работает в грязном пабе. Когда Кристина заходит к сестре, один его вид уже вызывает у нее отвращение. Там нечем дышать из-за сигаретного дыма. Между оконными рамами лежат дохлые мухи, чад въелся в стены так, что они поменяли цвет, в помещении пахнет чем-то кислым и затхлым.

Сара обещала, что они переедут, как только смогут, но по их средствам тяжело найти другое жилье. Их заработков не хватит, чтобы покрыть расходы на аренду отдельной квартиры. По крайней мере, в центре Лондона, а работу можно найти именно здесь.

Кристина старается не рыдать, но скоро ее терпение закончится. В общежитии никто за собой не убирает. Мусорное ведро всегда переполнено, рядом с мойкой стоит гора немытой посуды с остатками засохшей еды, в мойке – темные полосы жира, а ковровое покрытие на полу все липкое от грязи. Вдобавок приходится прятать свои вещи, а то они пропадут. Даже туалетную бумагу в ванной комнате не оставить – вернешься, а ее уж и след простыл.

Еще раз перевернувшись на бок, Кристина смотрит на часы – три минуты двенадцатого. Ей не нравится, что Сара так поздно возвращается домой одна, хотя паб и расположен поблизости. Кристина устало смотрит на цветастые обои, следуя взглядом вверх и вниз вдоль колючего стебля, пока дверь плавно не открывается.

Кристина улыбается. Наконец-то Сара вернулась! Она весь день мечтала поговорить с ней и теперь ждет в напряжении, когда сестра ляжет рядом.

Проходит несколько секунд, но Сара не говорит ни слова, потом дверь внезапно вновь закрывается.

Кристина садится в кровати, не включая свет.

– Сара? Это ты?

Она слышит чье-то дыхание.

– Сара?

Комната очень маленькая, всего несколько квадратных метров, и матрас занимает большую ее часть. Кристина нервно сглатывает.

– Кто это?

Она угадывает фигуру человека всего в паре метров от себя, подтягивает к себе ноги, а рукой ищет, чем защититься, и находит книгу. Это «Мир глазами Гарпа» – роман, который Сара взяла почитать у парня на работе.

– Уйдите отсюда, – шипит Кристина, держа книгу наготове.

От того, что незнакомец ничего не говорит, ей еще страшнее. Почему она не заперла дверь?

Все тело в напряжении, она пытается различить хоть что-нибудь в темноте. Может быть, лучше подняться на ноги? Кристина колеблется. На ней только ночная рубашка, оставаться под одеялом, пожалуй, надежнее.

Кристина задерживает дыхание, но сердце бьется так сильно, что пульс отдается в ушах. Тысячи мыслей проносятся в голове. Кристина чувствует его присутствие в комнате. Слышит его тяжелое дыхание. Он нашел их. Он приехал сюда в такую даль, чтобы наказать ее.

Внутри нарастает паника, и Кристина шарит руками в темноте. Что ей теперь делать? Она хочет закричать, но голос не слышится. Как будто звук застрял глубоко в легких.

Внезапно раздается чей-то смех. Совсем рядом слышны два хихикающих голоса, дверь вновь открывается. В свете, проникающем из коридора, она видит Энджи – соседку по обществу – и длинноволосого парня, который часто заходит к ней. Вроде его зовут Джон.

Кристина тяжело вздыхает. На самом деле очень хочется запустить в них книгой и послать к черту, но это не поможет. Скажи она хоть слово, и они начнут ругаться.

Ухмыляясь и перешептываясь, Энджи и Джон бормочут что-то про вечеринку и приглашают Кристину присоединиться:

– У нас тусовка, – говорят они. – Ну, давай же, Кикс, не будь занудой!

В ответ Кристина молчит и ждет, когда они закроют дверь. Когда они исчезают, она снова ложится. Сердце гулко бьется в груди. Она ненавидит, когда ее называют Кикс.

Несколько минут спустя наконец приходит домой Сара. Проскользнув в комнату, она молча начинает раздеваться. Скорее всего, думает, что Кристина уже уснула.

Несмотря на то что остался неприятный осадок, Кристина ничего не говорит. Она не хочет выглядеть душой в глазах Сары. Конечно же, его здесь нет. Конечно же, он не нашел их.

Кристина пытается сосредоточиться, прислушиваясь к сестре, которая готовится ко сну. Она слышит, как Сара снимает свитер и расстегивает джинсы. Чертыхается, чуть не потеряв равновесие, когда стягивает с себя слишком узкие штанины. Потом на ощупь ищет на комодке щетку для волос.

Сестра расчесывает свои длинные волосы, издавая характерные звуки. Методично проводит рукой сверху вниз, и мягкое, ритмичное шуршание действует на Кристину усыпляюще.

Когда Сара наконец забирается под одеяло, Кристина чувствует холод от ее ног. Но это не страшно. Она просто рада, что сестра рядом. Кристина пододвигается к ней поближе, дотрагивается до нее рукой, чувствуя своим телом ее бархатистую кожу.

Обычно они быстро засыпают, но сейчас Кристина слышит шепот Сары.

– Ты не спишь?

Кристина притворно посапывает, прежде чем повернуться к сестре.

– Нет. А что?

Сара хихикает в ответ. От нее пахнет сигаретным дымом. Запах табака проникает всюду – в одежду, волосы, подушки. Даже духи не помогают скрыть этот едкий запах.

– Я встретила парня, – говорит она и опять смеется. – Его зовут Даниэль.

– Правда?

Сара садится в кровати. Кристина всматривается в ее лицо, освещенное красным светом от вывески на здании по другую сторону улицы. Она всегда знала, что в Саре есть нечто особенное, но здесь, в Англии, это стало заметнее. Люди на улице часто оборачиваются, когда они проходят мимо; бывает, с них не берут оплату, когда они заказывают пиво или еду. Сара

говорит, всему виной ее светлые волосы, но Кристина знает, что это неправда. У нее волосы такого же оттенка, но ей не свистят вслед и не угощают пивом.

Сара подтягивает колени к подбородку.

– Да ладно, неважно.

Кристина вздыхает. Ей завтра рано вставать. У нее утренняя смена в кафе, где она работает, – завтрак. Это худшая из всех смен. Никто не дает чаевые, позавтракав.

– Спи давай, – говорит она, натягивая на себя одеяло.

– Скоро засну.

Кристина закрывает глаза. Вся злость, которую она совсем недавно испытывала, исчезла. Когда рядом с ней Сара, все опять становится хорошо. Хотя, конечно, им нужно съезжать отсюда как можно скорее! Кристина так долго не выдержит. Завтра же она купит утреннюю газету, чтобы посмотреть объявления о сдаче квартир. Где-то должно быть отдельное жилье, которое им по средствам. Если она подыщет что-нибудь симпатичное, может быть, ей удастся уговорить Сару переехать в район чуть подальше от центра.

Представляя их с Сарой отдельную квартиру, Кристина успокаивается и постепенно задремывает. Пока у нее есть Сара, все будет хорошо, она уверена в этом.

«Только ты и я, – думает про себя Кристина, постепенно погружаясь в сон. – Только ты и я».

7. Вторник, 5 сентября, продолжение

Сидя на своем месте у полки «Луиза», Мартиник заметила, как Шарлотта быстрым шагом пересекла торговый зал и поднялась по лестнице. Она была так похожа на свою тетушку, что у Мартиник сжалось сердце при виде нее. То же лицо овальной формы, прямой нос и светлые, умные глаза.

Мартиник вернула на место книгу «Двадцать тысяч лье под водой», которая оказалась между «Тетушкой Хулией и писакой» и «Литумой в Андах». Собственно говоря, у нее был заготовлен целый список аргументов, чтобы убедить Шарлотту сохранить магазин, но невероятное сходство между Шарлоттой и теткой совершенно сбило с толку. Они были похожи даже тембром голоса, а помолодевшая Сара в облике Шарлотты, расхаживающая по магазину, была слегка жутковатым зрелищем. Однако Мартиник понимала, что время, которым они располагают, не безгранично. Если они хотели оказать влияние на Шарлотту, надо было действовать стремительно, потому что она могла в любой момент уехать обратно в Швецию.

Услышав, как хлопнула дверь, Мартиник покосилась в сторону входа. Присутствие здесь племянницы Сары пробуждало море чувств, и Мартиник быстрым движением смахнула слезу с уголка глаза.

Так многое стояло на кону. Если магазин закроется, это будет трагедия не только для жителей округа, это коснется лично Мартиник. Она и ее муж имели не особо высокие доходы, а Лондон был дорогим городом. Их дочери Анджеле, кроме того, скоро поступать в колледж, так что Мартиник до смерти боялась остаться безработной. Она сама выросла в условиях бедности, и ее пугала перспектива потерять все, что они с Полом нажили, не говоря уже о том, каково ей будет наблюдать за гибелью дела всей Сариной жизни.

Мартиник потрогала пальцем латунную табличку с именем Луизы. Эта лавка была Сариным наследием. Книжный магазин «Риверсайд» был всей ее жизнью. Если и он исчезнет, последнее, что осталось от Сары, испарится – Мартиник просто не представляла себе, как она повторно переживет потерю подруги.

Она вновь обратила свой взор к книгам на полке и начала подсчитывать наименования книг Жюль Верна, но мысли о Саре и Шарлотте не оставляли ее, особенно одно соображение не давало ей покоя.

Мартиник глубоко вздохнула. Они с Сарой всегда были очень близки. За годы дружбы подруга доверила ей много тайн, а на смертном одре Сара попросила Мартиник объяснить Шарлотте, что произошло между ней и сестрой.

Книга «Вокруг света за 80 дней» была выдвинута из ряда – Мартиник вернула ее на место. Она, честно говоря, не имела ни малейшего понятия о том, что знает Шарлотта о взаимоотношениях Сары и Кристины, поэтому чувствовала – торопиться не стоит. Их семейные обстоятельства были запутанными, и причину раздора между сестрами просто так не расскажешь.

Плотно сжав губы, Мартиник переставила «Таинственный остров» так, чтобы названия книг шли в алфавитном порядке. С Шарлоттой надо беседовать осторожно, чтобы не отпугнуть, но в то же время Мартиник казалось, что утаивать правду было совсем не правильно. Чем больше проходило времени, тем более тяжелым бременем ощущались тайны Сары, и вдобавок Мартиник переживала, что Шарлотта начнет догадываться обо всем самостоятельно. Собственно говоря, она считала, что Шарлотта имела полное право как можно скорее узнать, что произошло. Ведь, в конце концов, это история ее семьи.

От такой мысли Мартиник захотелось плакать, и она зажмурилась, чтобы остановить слезы. Как сложно соблюсти баланс.

В тот момент, когда она разворачивала носовой платок, зазвонил мобильный телефон. Мартиник быстро вытерла глаза и достала телефон, чтобы ответить.

– Да, алло?

– Привет, подруга, это Марсия.

Мартиник сделала еще один глубокий вдох. Она надеялась скрыть от сестры, что только что плакала.

– Привет! Я как раз собиралась позвонить тебе и спросить, как вчера выступил Стерлинг. Марсия откашлялась.

– Не очень хорошо, к сожалению.

– Вот как? Они проиграли? Он был в веселом расположении духа вчера утром, по пути в школу.

– Я знаю, но у меня болела голова, так что нам пришлось пропустить матч. К сожалению, некому было помочь, но, полагаю, я должна привыкать к таким ситуациям, раз я одна.

Мартиник сразу почувствовала спазм в желудке. Во время вчерашнего ужина она выключила звук мобильного телефона, чтобы Марсия не отвлекала ее своими звонками, а теперь, значит, ей придется дорого заплатить за эту выходку.

– А ты, кстати, чем была занята вчера вечером? Я пыталась дозвониться до тебя.

Мимо прошел покупатель, и Мартиник пришлось отвернуться к стене.

– У нас был корпоративный ужин в связи с приездом племянницы Сары, Шарлотты, – прошептала она.

– Ах вот как, она явилась. Ну да, вовремя. Тогда ты можешь больше не проводить в этой лавке каждую секунду своего бодрствования.

Мартиник кивнула, испытывая чувство вины.

– Гм. Надеюсь.

– А сегодня вечером что ты делаешь?

Мартиник замерла. Неужели она не может посвятить два вечера подряд себе самой? Вообще она ужасно устала, и когда-то ведь надо поговорить обо всем с Шарлоттой.

Однако ей было сложно отказать Марсии. Несмотря на подначивания со стороны Пола, Мартиник еще ни разу не удавалось это сделать, а сестра в точности знала, что нужно сказать, чтобы заставить ее мучиться угрызениями совести.

– У меня... ужин.

– Понятно, а с кем?

– Опять с Шарлоттой. Ей так много всего надо рассказать о магазине.

Мартиник живо представила, как сужаются в этот момент глаза Марсии.

– Но у тебя же, наверное, будет небольшая пауза в течение вечера? Будет чудесно, если ты сможешь отвезти Спенсера на занятие по скрипке. Конечно, я бы с удовольствием сделала это сама, но я боюсь, что вчерашняя мигрень вернется, пока я буду сидеть в музыкальной школе и ждать его. К сожалению, не все дети так одарены, как Спенсер.

Мартиник сглотнула от волнения слюну. В голове раздавался голос Пола: «Просто скажи «нет». У тебя получится!»

– Нет, – выдавила она из себя. – Сегодня я, к сожалению, не могу.

Она услышала, как на другом конце провода у Марсии перехватило дыхание. Теперь нельзя отступать, подумала Мартиник, и начала считать про себя, но, когда она дошла до пяти, а Марсия по-прежнему не проронила ни слова, она не выдержала.

– Я могу отвезти его на занятие, но потом мне сразу надо будет вернуться в «Риверсайд».

Слова сами слетели с ее языка, и в тот же момент Мартиник пожалела о сказанном. Когда она наконец научится держать язык за зубами?

Марсия вздохнула.

– Этот ужин правда так уж необходим? Ты же знаешь, как важны для Спенсера уроки игры на скрипке! Дети, которые играют на музыкальных инструментах, всегда добиваются в жизни большего. Ты подумай только, он ведь пережил родительский развод!

Мартиник нервно сглотнула. Она уже почти сдалась, но задумалась над вопросом Марсии. Ужин на самом деле был необходим. Если они хотят, чтобы Шарлотта сохранила магазин, надо дать ей возможность познакомиться с ним получше.

– Да, – спокойно сказала она. – Я должна пойти на этот ужин.

Опять молчание, но на этот раз Мартиник была полна решимости устоять. Она так крепко сжала свободную руку в кулак, что ногти до боли вдавились в кожу.

Несколько длинных секунд в трубке была гробовая тишина, потом раздался еще один вздох Марсии.

– Ну, хорошо, – прошипела она. – Ты можешь забрать его в пять.

Мартиник с удивлением посмотрела на побелевшие костяшки пальцев. Неужели ей удалось устоять? Значит, это все, что требуется, всего-навсего?

Когда разговор закончился, она зашла на кухню, где по-прежнему лежала замоченная со вчерашнего вечера грязная посуда. Мартиник по-настоящему радовалась, что хоть раз сказала «нет». Или, может быть, и не стопроцентное «нет», но, по крайней мере, проявила характер. Она ведь только отвезет Спенсера на занятие, ей не придется еще и забирать его.

Когда она подумала о Спенсере, ее сердце сжалось. Бедняжка Спенсер! Она вовсе не избегала общения со своими замечательными племянниками, она просто устала от того, что Марсия рассчитывает на ее помощь при любых обстоятельствах, часто даже не за спасибо. Мартиник, между прочим, работала на полную ставку, в отличие от Марсии, отработывавшей в основном теннисные удары.

Мартиник засучила рукава и опустила руки в мутную воду с грязной посудой. Скорее всего, Пол не сочтет сегодняшний разговор достижением. В его глазах жена всегда была слабыхарактерной в отношении Марсии, однако ему, похоже, невдомек, что она действительно хочет помогать сестре по возможности.

Смахнув с лица прядь волос, Мартиник выловила тарелку и с силой начала оттирать ее, вспенивая средство для мытья посуды. Последнее время они с Полом часто ворчали друг на друга, оказавшись в каком-то странном вакууме после смерти Сары. Мартиник не могла думать ни о чем другом, кроме магазина, и Пол, судя по всему, устал слушать, как жена переливает из пустого в порожнее, хотя его предельная вежливость и не позволяла ему высказаться напрямую. Вместо этого он все чаще был занят собственными мыслями, так что теперь они все больше обсуждали практические вопросы, например, кто из них вынесет мусор или вызовет мастера, чтобы отремонтировать стиральную машину. Складывалось такое ощущение, что их истинные отношения замерли, Мартиник даже не могла вспомнить, когда у них в последний раз была близость.

Обычно Мартиник особо не переживала по этому поводу. Скоро уже четверть века, как она замужем за Полом, и давно уже поняла, что у отношений бывают свои пики и падения, но в последнее время Пол вел себя как-то странно. На днях он пришел домой с букетом хризантем для нее. Это Пол, который никогда не дарил ей цветы! У них даже была стандартная шутка на тему того, что ей не нужен муж, дарящий розы, но он, похоже, не вспомнил об этом, когда почти смущенно протянул ей букет и быстро удалился из комнаты. А сегодня утром у Пола состоялся телефонный разговор, который он хотел утаить от жены. Услышав звонок и увидев номер на экране телефона, он оторвался от завтрака, встал из-за стола, поспешил в прихожую и закрыл за собой дверь.

Мартиник изо всех сил оттирала пятно от соуса, въевшееся в одну из тарелок. Она совсем не хотела в чем-либо подозревать Пола, но после того, что случилось между Марсией и Ричардом, не знала, что и думать. Они всегда казались такой счастливой парой, поэтому разве могла она быть уверена в том, что их с мужем не настигнет та же проблема?

Помыв посуду, Мартиник открыла холодильник, чтобы посмотреть, много ли осталось еды со вчерашнего вечера. Еще полкастрили рагу – она легко может сварить еще немного риса,

и тогда хватит на всех. Мысль о еще одном вечере в компании Сэм, Уильяма и Шарлотты вызывала радостное волнение. Что Мартиник любила, так это вкусно кормить друзей и приятно проводить с ними время. Ей, конечно, придется отлучиться ненадолго, чтобы отвезти Спенсера, но у нее все равно еще масса времени, чтобы приготовить какой-нибудь деликатес. Может быть, испечь слойки с оливками и мягким сыром на закуску, или она даже успеет сварганить торт с меренгами к кофе?

Мартиник покосилась на пачку овсяного печенья из магазина «Marx & Spencer», лежавшую на столе. Как раз, когда она протянула руку за печеньем, раздался сигнал мобильного телефона. Сообщение от Анджелы.

«Ты испекла маффины?»

У Мартиник вырвался стон. Она совершенно забыла, что завтра у Анджелы в школе дети будут продавать выпечку, чтобы собрать средства на поездку класса. А она-то так надеялась, что сможет спокойно заняться готовкой!

Быстро написала дочке ответ:

«Работаю весь вечер. Сама не испечешь?»

«Твои лучше! И мне нужно готовиться к математике, поеду к Берди».

Мартиник вздохнула. Ей всегда было приятно чувствовать себя нужной, но иногда она думала, не слишком ли она избаловала дочку. Ведь шестнадцатилетняя девочка должна быть в состоянии испечь противень маффинов?

«Сколько тебе нужно?»

«Тридцать. Шоколадных с розовой глазурью».

Мартиник покачала головой. Сама виновата. Это ведь она записалась вместе с дочерью в комитет по продаже выпечки на последнем родительском собрании в школе. Не то чтобы Мартиник очень хотела этим заниматься, просто она не могла выдержать тишины, повисшей над аудиторией, когда председатель совета класса внимательно смотрел на родителей, а они пытались сделать вид, что чрезвычайно заняты.

Иногда Мартиник мечтала, что поступит когда-нибудь как Люси, мама Нэнси Хэнаген. Та пришла на один из школьных вечеров в блестящем платье и парике, вышла на сцену со своим магнитофоном и исполнила, мягко говоря, чувственную караоке-версию песни «Просто лучший» (Simply the Best). Другие родители были так шокированы, что пожертвовали свыше восьмисот фунтов стерлингов, и после этого случая никто уже не рассчитывал, что она когда-нибудь еще появится.

Мартиник усмехнулась. Сначала она пожалела маму Нэнси, которая, по слухам, только что узнала, что муж хочет развестись с ней. Но увидев широкую улыбку Люси, уезжавшей из школы на своем белом джипе, Мартиник засомневалась, что ее выступление было, как утверждали некоторые, началом нервного срыва. Это скорее походило на тщательно продуманную стратегию, чтобы избежать участия в школьных мероприятиях.

У Мартиник, между прочим, тоже было платье с пайетками и широкий репертуар песен Уитни Хьюстон, но она знала, что Анджела никогда не простит, если мать выйдет на школьную сцену и будет вытворять со стойкой микрофона то же, что мама Нэнси в тот вечер.

«Ладно, сделаю. Люблю тебя».

Несколько длинных секунд она смотрела на экран телефона, ожидая, что Анджела напишет что-нибудь в ответ, например: «Спасибо! Ты – лучшая мама в мире!» или «Я тоже тебя люблю», но, когда ответа не последовало, она, взяв овсяное печенье, засунула это совершенное произведение пекарского искусства в рот. Ей повезло, что по крайней мере «Marx & Spencer» понимали, что ей было нужно.

Бросив быстрый взгляд на часы, Мартиник поняла, что пора ускоряться. Эти маффины она надеялась состряпать одновременно с ужином, но сначала надо убедиться, что у Шарлотты нет других планов на вечер.

Она уже собиралась идти, когда, поддавшись внезапному порыву, высыпала оставшееся печенье на блюдо. Если Шарлотта по какой-то причине скажет «нет», Мартиник постарается убедить ее с помощью одного из лучших образцов лондонского печенья.

* * *

– Ау, кто-нибудь дома?

Шарлотта замерла, услышав голос Мартиник. Она не хотела говорить о продаже, пока не узнает больше о финансовом положении магазина.

– Иду, – ответила Шарлотта и, быстро подняв с пола газету, накрыла ею обеденный стол, чтобы спрятать годовые финансовые отчеты.

Перед дверью стояла Мартиник в другой тунике – на этот раз бирюзового цвета, украшенной синими стеклянными бусами. Роскошные блестящие волосы и аккуратно накрашенные губы делали Мартиник невероятно элегантной.

– Как дела?

Шарлотта кивнула.

– Спасибо, хорошо.

– Ты уже встречалась с мистером Куком?

«Так вот как правильно произносится его фамилия! Надо запомнить», – подумала Шарлотта. Хотя ее вариант был ближе к сути.

– Да, но очень коротко.

– Что он сказал?

Шарлотта пожала плечами.

– Я получила массу документов, которые надо изучить, – уклончиво сказала она.

Мартиник доброжелательно улыбнулась и протянула блюдо с печеньем.

– Пожалуйста! – радостно сказала она. – Оно очень свежее!

Шарлотта взяла блюдо и поставила на маленький комод в прихожей. Она не могла припомнить, когда в последний раз для нее что-нибудь пекли.

– Это овсяное печенье с орехом и изюмом.

– Должно быть, вкусно.

– У тебя ведь нет никакой аллергии?

– Да нет. Выглядит очень аппетитно.

На мгновение воцарилось молчание, и Шарлотта подумала, не надо ли ей поинтересоваться, что произошло накануне вечером. Но что, собственно, спросить? «Извини, это ты несла меня вчера вверх по лестнице?» Уже одна мысль смущала ее, и, когда внезапно появился Теннисон, она вместо этого указала кивком в его сторону.

– Это нормально, что он спит здесь по ночам?

– Вообще-то нет. В последние недели я забирала его к себе домой, хотя ему это и не нравится, но вчера он воспользовался случаем и проскользнул сюда, мы просто не успели его отловить. Когда он проник сюда через кошачий лаз, мы не рискнули пойти за ним, потому что ты уже заснула.

Шарлотта с озадаченным видом убрала прядь волос за ухо.

– Ну ладно.

– Если хочешь, я попробую забрать кота сегодня вечером, но это будет трудно сделать теперь, когда он знает, что ты ночуешь здесь. Мне кажется, ты ему нравишься, – добавила Мартиник. – Я не видела его таким бодрым с тех пор, как... умерла Сара.

Шарлотта повернулась и увидела, что Теннисон забрался на диван. Он лежал на спине, перебирал в воздухе лапами, как будто играя невидимым мячиком, и бросал на нее ласковые взгляды.

– Похоже, ты обрела друга на всю жизнь, – улыбнулась Мартиник. – На меня он так никогда не смотрит, хотя я и подкупаю его тунцом почти каждый день. – Она вскинула голову. – Ну ладно, не буду тебе мешать. Я просто хотела сказать, что, если у тебя есть вопросы по работе магазина, я с радостью отвечу. У меня тут почти все под контролем!

«Если не считать того, что «Риверсайд» почти банкрот», – с грустью подумала Шарлотта.

– Это очень любезно, я буду иметь в виду.

Мартиник с энтузиазмом кивнула.

– Правда! Не стесняйся, спрашивай *все, что угодно*.

Шарлотта откашлялась и искоса взглянула на фотографию, висевшую у нее за спиной, чуть в стороне. А что, если Мартиник в курсе, кем был этот мужчина на снимке?

– Эта фотография, – сказала она, протягивая руку к рамке. – Ты не знаешь, кто на ней изображен?

Мартиник взяла в руки фотографию и в тишине начала рассматривать ее.

– Нет, – сказала она в конце концов. – К сожалению, у меня нет идей на этот счет.

– Ты не знаешь, был ли кто у Сары – муж, сожитель или кто-нибудь еще?

Мартиник покачала головой.

– Очень сожалею, но, сколько я здесь работаю, Сара была одна.

– Вот как, – произнесла Шарлотта, пытаясь скрыть разочарование.

Мартиник наклонила голову набок.

– Поскольку вчера получился сумбур, сегодня мы хотели организовать для тебя настоящий приветственный ужин.

– Спасибо, – с чувством сказала Шарлотта, – но в этом нет необходимости.

– Конечно, есть! Должна же у нас быть возможность поближе познакомиться с тобой. Все придут, и Уильям обещал больше не срываться.

– Хорошо, – сказала Шарлотта, в глубине души надеясь прийти до этого к какому-то решению.

– Чудесно, – сказала Мартиник, светясь от радости. – Тогда до встречи внизу в шесть.

Шарлотта вернулась к столу, заваленному кучами папок и разбросанными документами. Финансовое положение магазина было бедственным. Необходимо увеличить выручку, иначе единственное, что остается – это закрытие.

Она опустила на стул. Может быть, из-за этого Сара и вручила ей магазин? Может быть, думала, что Шарлотте удастся спасти его? Или это был некий акт возмездия? Может быть, Сара хотела наказать мать Шарлотты, сплавив ее дочери бизнес на грани банкротства?

Эту мысль она сразу отогнала. Чтобы Сара довела до такого состояния дело всей своей жизни, а затем намеренно умерла, оставив Шарлотту один на один с проблемой, было маловероятно.

Она открыла папку с финансовой отчетностью за прошлый год. Заслуживающей внимания прибыли там не было. На какие средства, собственно говоря, жила Сара?

Шарлотта покачала головой. Это был невозможный проект, в который ей на самом деле не следовало бы ввязываться. Магазин не спасти. Даже если попытаться наперекор судьбе возродить его, она рискует лишь напрасно обнадеежить Сэм и Мартиник.

Шарлотта взяла ручку и сделала еще одну запись в блокноте. Постоянные издержки «Риверсайда», конечно, относительно невысоки. Мартиник – единственный сотрудник, работающий на полную ставку, и зарплаты у них с Сэм, по меньшей мере, скромные.

Шарлотта сделала быструю прикидку, чтобы понять, на сколько нужно увеличить оборот. Им необходим приток средств за счет выручки. Может быть, имеет смысл запустить онлайн-продажи или организовать какое-нибудь мероприятие?

Посчитала в уме. Алекс всегда говорил, что она высококлассный специалист по решению проблем. Каждый раз, когда обстоятельства бросали вызов их компании, Шарлотта чертовски упорно искала решение. Например, когда отклеивались этикетки с партии флаконов или лак для ногтей застывал в бутылочке спустя всего несколько недель после того, как его открыли. Шарлотта становилась почти одержимой и не могла ни спать, ни есть, пока они не выработают план действий. Если кто-то и мог решить проблему магазина, так это, вероятно, именно она, вопрос только, есть ли у нее на это время.

Шарлотта покосилась на часы. Она обещала позвонить Хенрику сегодня до четырех, прежде чем он уйдет на занятие по гончарному делу.

Привычно набрала его номер. Даже если проблема магазина и была ей по силам, у нее ни при каких обстоятельствах не получится этим заняться. Хенрик скажет, что она нужна в Лунде, и что он хочет как можно скорее забронировать для нее билет на обратный авиарейс.

– Hello, Charlotte, – сказал ее помощник с притворным британским акцентом. – How are you doing over there?³

От звука его голоса на Шарлотту повеяло спокойствием. Несмотря на некоторые раздражающие вредные привычки и дерзкий оптимизм, Хенрик был для нее надежной опорой.

– Привет, Хенрик. Спасибо, хорошо. А у тебя-то как дела?

– Да прекрасно!

– Я хотела узнать текущую ситуацию. Как система заказов – все еще висит?

– Нет, все работает в обычном режиме.

– А что там с фабрикой в Гренаде?

– Заработала. Судя по всему, им просто был нужен нормальный электрик, чтобы запустить станки. Все нормально, – заверил он. – Можешь на меня положиться.

Теннисон, похоже, оставил надежду на то, что она присядет на диван и, крадучись, подошел к ней, а Шарлотта протянула к нему руку.

– Я знаю. Еще один вопрос. Как обстоят дела с новыми упаковками? Они подходят?

– Да, – терпеливо ответил Хенрик. – В одном бутике пожаловались, что крышка трудно открывается, но я объяснил, что бутылка должна плотно закрываться, иначе продукт вытечет.

– Но ты ведь сказал это доброжелательным тоном?

Хенрик рассмеялся.

– Шарлотта, ты же меня знаешь! Я всегда работаю в шелковых перчатках, хотя крепко держу все в руках. Но давай поговорим о более важных вещах. Как тебе Лондон?

Она покрутила в руках ручку.

– Нормально.

– Где ты была, что видела?

Шарлотта прикусила губу. Если она расскажет, что почти не покидала лавку, он отчитает ее. В окне она наконец рассмотрела две башни Тауэрского моста.

– Тауэрский мост, – сказала она безразлично, надеясь, что он не заподозрит ее во лжи.

Хенрик издал странный смешок.

– Вот как? А еще? А в Камден Тауне была? Или на Оксфорд-стрит? Ты уже купила мне какой-нибудь сувенир?

– Я не успела.

Он вздохнул так громко, что ей пришлось убрать трубку от уха.

– Но, Шарлотта, ты ведь в одном из самых крутых городов мира. Тебе нужно прочувствовать его, узнать поближе! Я помогу тебе. Пришлю электронной почтой список того, что ты просто обязана посетить.

– Посмотрим, – сказала она. – Думаю, мне скоро уже пора домой.

---

³ Здравствуй, Шарлотта! Как ты там поживаешь? (англ.)

– Что? Ты еще и суток там не провела! Шарлотта, я говорю сейчас с тобой как друг, поэтому, пожалуйста, не используй это против меня в следующих переговорах о зарплате. Тебе нужен отпуск! У тебя его не было уже несколько лет.

– Но я отсутствовала, когда...

– Это не в счет! – быстро сказал он. – Тебе необходим отдых. Ты его заслужила. Мы тут справимся, все равно сейчас межсезонье. Только навсегда там не останься, – засмеялся он.

Шарлотта окинула взглядом захламленную квартиру.

– Ну, это без шансов, – пробормотала она.

«В каком-то плане это хорошо, что Хенрик в ней сейчас не нуждается», – подумала Шарлотта, задержав взгляд на папках с отчетностью. Руки зачесались. Она могла решить проблему. Если ей удастся разработать план действий, она, вероятно, сможет спасти «Риверсайд», сделав его более привлекательным для потенциального покупателя.

– Хорошо, – продолжила она. – Только обещай, что свяжешься со мной, если что-нибудь рухнет.

– Да, само собой!

– Я останусь здесь еще на несколько дней.

– Оставайся, сколько тебе вздумается! И не забудь сходить на мюзикл. Это обязательный пункт программы в Лондоне. «Кошки» – один из лучших. И «Король Лев».

Шарлотта покосилась на Теннисона, который кружился у ее ног. Она содрогнулась от мысли, что ей придется смотреть на поющих людей в кошачьих костюмах.

– Посмотрим, – дипломатично ответила она. – Тебе хочется чего-то особенного отсюда? Только не говори – Эндрю Ллойда Уэббера, я не собираюсь никого похищать.

– Но ты можешь последить за ним, – весело сказал Хенрик. – И посмотреть, вдруг он высморкается и выбросит в урну носовой платок? Сейчас ведь в Лондоне сезон простуд, не так ли?

Шарлотта притворно вздохнула.

– А что мне купить для Харри?

Харри – сын Хенрика, чудесный семилетний мальчишка. Шарлотта, выросшая без братьев, сестер и кузенов, в общении с детьми всегда чувствовала себя неуверенно. Она не понимала сложный мир детских эмоций, и стремительные переходы от смеха к плачу раздражали ее. Но с Харри все было по-другому. Хенрик практически заставил ее подержать новорожденного сына, и когда этот маленький сверточек оказался у нее в руках, она внезапно ощутила уверенность в себе и почувствовала, что Харри признал ее. Именно в этот момент, посмотрев в умные младенческие глаза, Шарлотта осознала, что и сама хочет стать матерью.

– Харри тоже хотел бы получить один из носовых платков Эндрю Ллойда Уэббера, но, если они тебе не достанутся, его устроит все, что угодно, с изображением Бэтмена.

– Поняла, сопли или что-нибудь с Бэтменом, – сказала Шарлотта и почувствовала, что уже соскучилась и по Хенрику, и по Харри.

– Да, кстати, – сказал Хенрик, понизив голос. – Ты еще не решила, как ты хочешь поступить с «В С Beauty»? Мне отправить им альтернативное предложение, которое мы набросали?

Шарлотта схватила за голову. Она повторно получила очень привлекательное предложение от крупного концерна, который хотел приобрести «Шарлотту и Ко», предлагая оставить за ней должность директора по развитию. Концерн «В С Beauty» обладал хорошей репутацией и вызывал у нее уважение.

Шарлотта откашлялась. С одной стороны, было бы хорошо снять с себя огромную ответственность, связанную с управлением предприятием в одиночку, но она не была вполне готова отпустить контроль. Они создали «Шарлотту и Ко» вместе с Алексом. Компания была делом их жизни, и Шарлотта до смерти боялась, что вся их тяжелая работа пойдет прахом, если передать бразды правления кому-то другому.

– Да отправить-то, конечно, можно, посмотрим, что они ответят.

Окончив разговор, Шарлотта отложила в сторону мобильный телефон и взяла в руки свои записи. Задача с «Риверсайдом» сводится к привлечению достаточного количества средств для покрытия всех постоянных издержек.

Она огляделась вокруг. Квартиру Сары определенно можно сдать, хотя бы за пару сотен фунтов стерлингов в месяц, если только сделать косметический ремонт. Шарлотта ткнула пальцем в стопку книг, стоявшую вплотную к столу. Кое-что, наверное, можно продать. В любом случае ей придется все разобрать и упаковать.

Услышав, как кто-то прибирается в соседней комнате, она записала в блокноте «Уильям». Сведения о том, какую плату он вносил за жилье, отсутствовали. Если они все-таки захотят справиться с ситуацией, он, вероятно, тоже должен будет вносить разумную арендную плату.

Шарлотта покачала головой. Об этом можно подумать в другой день. Прежде всего надо разобраться, как работает книготорговля. У нее не было ни малейшего понятия о том, какова должна быть чистая выручка с одной проданной книги, кто определял, какие наименования закупать, сколько экземпляров продавалось в неделю, какие жанры были наиболее популярны, а также как и когда можно было возратить непроданные книги.

Она составила список наиболее срочных вопросов и почувствовала, что кровь быстрее потекла по жилам. Получив ответы на эти вопросы, она сможет провести анализ рынка и, исходя из его результатов, разработать стратегию.

Конечно, все это повлечет за собой значительные изменения, но остается надеяться, что Сэм и Мартиник будут готовы к ним, поскольку дорожат своей работой.

По телу растеклось приятное тепло. Довольная собой, Шарлотта откинулась на спинку стула. Решая проблемы, она получала невероятный приток адреналина, тем более она давно не испытывала такого страстного желания взяться за новый проект. В любом случае все образуется.

Ее взгляд скользнул по гостиной к фотографии Сары и Кристины. По какой-то причине, находясь здесь, в квартире Сары, Шарлотта почувствовала свою близость к матери. Если бы Кристина была жива, она позвонила бы ей сейчас и рассказала, что произошло. Что, возможно, она придумала способ спасти магазин. Что у «Риверсайда» есть шанс на выживание.

– А ты что скажешь, Теннисон? У тебя есть предложения, как нам повысить оборот?

Кот громко мурлыкал, и она посадила его к себе на колени. Каким бы он ни был милым, придется найти ему другого хозяина, потому что новый собственник магазина вряд ли согласится получить в придачу старого кота.

– Что нам с тобой делать? – задумчиво спросила она и улыбнулась, когда он зарылся головой ей в подмышку.

8. Четверг, 21 октября 1982 года

Сара достает еще одну сигарету и зажимает ее между губ. Рука трясется, когда она зажигает спичку и подносит ее ко рту, пламя дрожит. Как только сигарета начинает дымиться, Сара отбрасывает спичку в сторону, хотя пламя догорело лишь до половины.

Кристина сидит со своей кружкой пива. Ей не по себе от того, что Сара выглядит такой нервной. Сестра никогда не нервничает. Кристина пытается придумать, что бы сказать, но, как только открывает рот, Сара поднимается из-за стола и выходит в туалет.

Паб заполнен посетителями наполовину; облокотившись о барную стойку, бармен проигрывает «Оскверненную любовь». Кристина сидит поодаль от других посетителей и ждет. На стенах висят портреты рок-звезд и членов королевской семьи. Массивные позолоченные рамы гармонично сочетаются с обивкой стульев сливового цвета и обоями, на которых изображены медальоны с цветочным орнаментом. Бары здесь, в Англии, странным образом напоминают обычные гостиные. Кристина считает, что так и задумано – чтобы народ чувствовал себя как дома.

Когда Сара возвращается, она уже кажется ей более спокойной. Кристина берет сестру за локоть, Сара улыбается.

– Как ты?

– Хорошо, – отвечает она, искоса наблюдая за дверью бара. – Он опаздывает.

Кристина кивает. Она видела Даниэля только на расстоянии, когда тот провожал Сару до двери, но обычно Даниэль и Сара были так увлечены поцелуями, что никогда не замечали наблюдавшую за ними из окна Кристину.

В сущности, Кристина не имеет ничего против этого парня, хотя и подозревает, что именно из-за него Сара так хочет остаться в Лондоне еще ненадолго. Нет, просто внезапная тревога сестры передается ей, и Кристина сидит как на иголках. У них есть к ней разговор, сказала Сара. У *них*, то есть у Даниэля и Сары вместе. Сара, очевидно, не может рассказать об этом одна, поэтому они сидят сейчас в пабе и ждут Даниэля.

Кристина делает несколько глотков пива. Напиток светлый и пенистый, по вкусу чем-то напоминает шведскую рождественскую газировку. Кристина весь день мучилась догадками, о чем Даниэль и Сара собираются ей рассказать. Кристина знает, что Даниэль приехал из Белфаста, и сначала она подумала, не попросил ли он Сару уехать туда вместе с ним.

Образы Сары и Даниэля, которые машут ей рукой из ржавого грузовика, вызывает у Кристины спазм в желудке. Что она будет делать, если Сара покинет ее? Ну, здесь, по крайней мере, она не останется. Нет, тогда ей придется вернуться домой. Обратно в Оребу, в отцовский дом.

Кристина гонит от себя эту мысль. Сара никогда так с ней не поступит. Они – сестры, и Сара всегда заботилась о ней. Не бросит и сейчас. Ни в коем случае. Кристина знает, что может рассчитывать на старшую сестру.

Внезапно Сара расплывается в широкой улыбке, и Кристина оборачивается. Даниэль подходит, засунув руки в карманы широкого темного плаща. Он кивает Саре и извиняется за опоздание.

– Центральная линия стояла, – говорит он и мотает головой, встряхивая русые локоны.

Сара обнимает его, затем тянется к Кристине.

– Это моя сестра.

Она поднимает Кристину и подталкивает ее в сторону Даниэля так, что они оказываются лицом к лицу. Даниэль осторожно жмет ей руку.

– Кристина, – обращается он к ней на своем характерном диалекте. – Очень приятно наконец познакомиться!

Никто раньше так не произносил ее имя.

Кристина пытается улыбнуться.

– Привет, Даниэль, – отвечает она.

Несколько долгих секунд он смотрит ей в глаза, потом опять оборачивается к Саре.

– Что пьете?

Сара показывает на пиво.

– Предлагаю повторить за мой счет.

Они сидят друг против друга. По одну сторону стола – Сара и Даниэль, переплетаясь между собой, по другую – Кристина. Сара уже больше не нервничает. Кажется, она раскрепостилась, громко смеется. Кристина видит, как он прикасается к сестре, как, лаская, не отнимает руку от ее тела.

Они рассказали, как познакомились, хотя Кристина не спрашивала их об этом. Как Даниэль зашел в паб, где работала Сара, и попросил красный ирландский эль «Kilkenny». Как они долго смеялись, пока Даниэль пытался объяснить ей, что это такое, и как настаивал, чтобы Сара попробовала, когда она наконец уловила суть заказа.

Даниэль обнимает Сару.

– Ты ведь не оценила его, верно?

– Да нет, почему же?

– Врешь и не краснеешь, – сказал он, смеясь. – А ты, Кристина, где работаешь?

Кристина отводит взгляд. Каждый раз, когда Даниэль смотрит на нее, ей кажется, что она краснеет, и Кристина до смерти боится, что сестра это заметит.

– В кафе, – коротко отвечает она. – А ты?

– Я – инженер-электронщик, работаю на фабрике в Уэмбли.

Кристина пытается расслышать его, но видит лишь, как двигаются его губы, когда он говорит.

– Но он живет рядом с Саутворком. В квартире над книжной лавкой, – вставляет Сара.

Кристина кивает.

– Вот как?

Она видит, как они смотрят друг на друга и смеются.

– Да, Даниэль сказал, что мы можем переехать к нему. Так что нам не придется больше жить в общежитии.

Кристина смотрит сестре в глаза. Вот почему Сара хотела, чтобы они встретились втроем, чтобы у Кристины не было возможности отказаться.

Она ерзает на стуле и нервно сжимает пивную кружку. Как бы она ни хотела уйти из ненавистного общежития, она вовсе не была уверена, что переехать к абсолютно чужому человеку – намного лучше.

– Ну да, квартирка небольшая, но у нас с тобой будет отдельная спальня, – радостно говорит Сара. – Это же здорово, правда?

Сестра поворачивается к Даниэлю, и они целуются враскоряку. Кристина заканчивает кружку пива. Что ей сказать? Что она, собственно говоря, не знает Даниэля и предпочла бы безраздельно владеть своей сестрой?

Даниэль вытирает рот.

– Там есть небольшая ванная комната и кухня, – говорит он. – Ну, кухня – это, наверное, громко сказано, но по крайней мере кухонный уголок.

Сара пинает под столом Кристину.

– Ну, скажи что-нибудь, что ты думаешь?

Кристина пожимает плечами.

– Может быть, вам лучше жить одним?

Сара закатывает глаза.

– Ну конечно, нет! Ты же моя младшая сестра. Я обещала заботиться о тебе! – Она наклоняется через стол и шепчет на шведском: – Тебе не надо беспокоиться. Он очень милый, и район там безопасный, и клопов там нет.

Кристина кивает.

– Ладно.

– Договорились? – переспрашивает Даниэль.

– Ты не против? – повторяет Сара, хлопая в ладоши.

Кристина пытается улыбнуться.

– Да, давайте.

Сара вскакивает и заключает Даниэля в объятия.

– Ну вот, теперь я рада. Это будет замечательно! Нам будет так весело вместе!

Она касается руками лица Даниэля и спешно целует его, а потом тянется через стол и берет Кристину за руку.

– Как семья, – говорит она, глядя на сестру. – Ты, я и Даниэль. Мы будем жить одной маленькой семьей.

9. Вторник, 5 сентября, продолжение

Мартиник замешала в большой миске шоколадное тесто. Тридцать маффинов с розовой глазурью. Если она хочет успеть доделать их до отъезда за Спенсером, надо поторопиться.

Раздался сигнал микроволновки, Мартиник достала тарелку с растопленным маслом и вздохнула. Вот она опять в стрессе и пытается все успеть, чтобы угодить другим. Записываясь с дочерью в комитет по продаже выпечки, Мартиник, собственно говоря, рассчитывала, что они будут готовить маффины вместе с Анджелой. Думала, это будет приятное совместное времяпрепровождение, но, как она ни старалась, ей никогда вполне не удавалась роль мамы в стиле Мэри Поппинс, на которую втайне так хотелось быть похожей.

Ловко открыв баночку, Мартиник добавила в тесто чайную ложку ванили. Она из кожи вон лезла, организовывая всякие мероприятия, чтобы порадовать Анджелу. Услышав, что ей нравится фотографировать, тут же нашла курсы фотографии и записалась туда вместе с ней. Всегда следила за тем, чтобы дома было достаточно вкусенького, на случай если дочь надумает пригласить друзей, а если Анджела вдруг нуждалась в ней, тут же все бросив, спешила на помощь. Тем не менее складывалось ощущение, что между нею и дочерью выросла стена.

Мартиник достала противень и начала раскладывать формочки для маффинов. Когда Анджела была младше, у них были очень близкие отношения. Они все делали вместе: ходили на долгие прогулки, посещали музеи, играли в парке, покупали мороженое, купались, плели бусы, читали вслух и делали друг другу прически.

Ее милая, вдумчивая и благоразумная маленькая дочь была просто ангелом. Постоянно думала о других и для своего возраста обладала невероятной эмпатией. Однажды даже убедила Пола уложить доски вдоль дорожки в их маленьком саду, чтобы кто-нибудь, не дай бог, не наступил на муравьев, переползавших через сланцевую плитку.

Они с Полом часто понимающе смотрели друг на друга и умилялись, как им удалось вырастить такое очаровательное маленькое существо. Оглядываясь назад, было трудно осознать, как эта милая девочка всего за пару лет превратилась в злобного подростка, который орет на своих родителей и в любой удобный момент убегает из дома через окно в спальне.

Мартиник аккуратно вмешала в тесто масло. Иногда она задавалась вопросом, есть ли доля ее вины в том, что случилось с Анджелой. Роль недобросовестного родителя Мартиник совершенно не устраивала, но к детям при появлении на свет божий почему-то не прилагается подробная инструкция по эксплуатации, и, как бы она ни поступала, ей казалось, что все выходило плохо. Когда она оставляла Анджелу в покое, дочь решала, что ей все сойдет с рук, а если Мартиник закручивала гайки в ответ на ее резкость, отношения тут же заходили в тупик.

Искоса глянув на часы, Мартиник начала разливать тесто по формочкам. Теперь Анджела всегда непристлежлива. Она старается как можно меньше времени проводить дома и, похоже, делает все возможное, чтобы избежать общения с матерью. Как только Мартиник возвращалась домой с работы, дочь удалялась в свою комнату, а если Мартиник стучалась к ней, она просила оставить ее в покое. Выходные Анджела проводила в гостях у друзей, а если вдруг они сталкивались утром на кухне, дочь опускала глаза.

У Мартиник не было ни малейшего понятия, что именно пошло не так, но каждый раз при виде других девочек-подростков, общающихся с мамами, она чувствовала уколы ревности. Анджела ни в коем случае не хотела, чтобы ее видели в обществе матери, а уж о том, чтобы вместе сходить в кино или попить кофе, не могло быть и речи. Их редкие разговоры случались теперь, только когда Анджеле было что-нибудь нужно, и это часто приводило к беседе на повышенных тонах.

Когда Анджела просила разрешения поехать с компанией друзей на Канары, купить скутер из денег, отложенных на высшее образование, или пойти на какой-то мутный концерт в

Кентиш Тауне, и Мартиник отказывала ей, дочь орала так громко, что Мартиник и в голову раньше не приходило, что люди могут так кричать.

– Ты всегда говоришь «нет», – голосила Анджела. – Всем моим друзьям родители разрешают!

Мартиник пыталась сохранять спокойствие и урезонивать дочь, но часто в конце концов тоже повышала голос от раздражения. Анджела вопила, что Мартиник ничего не понимает, Мартиник вопила в ответ – пусть она тогда ей все объяснит, но дочь всегда воздерживалась от объяснений.

Хуже всего было то, что после ссор Анджела отказывалась мириться. Несколько лет назад Мартиник было достаточно купить ей мороженое, и дочь обнимала ее в ответ, а теперь только рычала на нее, как разъяренный лев.

Мартиник изо всех сил старалась найти другие способы общения с дочерью. Она создала себе странички в Facebook, Twitter, Instagram, пожертвовав большим количеством часов своего сна, чтобы разобраться, как работают эти социальные сети, но все напрасно. Как она ни старалась, Анджела не отвечала на ее сообщения, а единственный, кто попросился к ней в друзья, – это американский офицер, славший странные сокращения, значение которых Мартиник даже не рискнула проверить в Интернете.

Она поставила противень в духовку. Мартиник позвонила бы, как обычно, и пожаловалась бы Полу, но ее по-прежнему смущали подаренные им цветы.

Вытирая кухонный стол, Мартиник пыталась придумать хотя бы одно разумное объяснение, почему Пол внезапно пришел домой с букетом хризантем. Может быть, он их нашел на скамейке в парке или в урне? Или кто-нибудь подарил их ему – ученик, например, или коллега, оказывавшая знаки внимания против его воли?

Пол был чрезвычайно экономным – он следил за тем, чтобы из бутылок с кетчупом выскребали все до последней капли, а из тюбиков выдавливали всю зубную пасту без остатка, он даже разрезал их. Поэтому вряд ли он мог смириться с тем, что цветы пропадают даром.

Достав из холодильника тяжелую кастрюлю, Мартиник поставила ее на плиту. Что бы ни случилось, она не собиралась расспрашивать об этом. Она не любила, когда отношения с мужем становились напряженными и, честно говоря, была просто не готова разбираться с еще одним конфликтом. Кроме того, ей было трудно поверить в то, что Пол способен на поступки, которые могут причинить ей боль. Все это, конечно, было просто каким-то недоразумением.

Мартиник убрала на кухне последние следы готовки и проверила рагу, которое начинало пыхтеть на плите. На чем ей нужно было сосредоточиться, так это на Шарлотте. Мартиник нашла кастрюлю и пакет с рисом. Сара всегда поддерживала ее, а сейчас пришла очередь Мартиник отплатить услугой за услугу. Ей полагалось приложить все усилия, чтобы племянница Сары полюбила «Риверсайд», но надо было торопиться, пока Шарлотту не настигло прошлое Сары.

Сэм заглянула на кухню и громко присвистнула, увидев все, что готовила Мартиник.

– Когда будет готово?

Мартиник в шутку погрозила ей пальцем.

– Все будет, подожди пару часов.

Сэм закатила глаза.

– Ну хорошо. Послушай, я выйду ненадолго, чтобы купить бутерброд. Тебе купить что-нибудь?

Мартиник покосилась на стоявшие на полу пустые винные бутылки.

– Ты не могла бы организовать вино на вечер?

– Конечно, сколько бутылок?

– Три, или нет, возьми четыре!

Пусть лучше будет запас, подумала Мартиник, отмеряя рис. По собственному опыту она знала, что любезность Сэм и Уильяма нарастала по мере употребления ими алкоголя, а если еще и Шарлотта будет в легком подпитии, это тоже не повредит.

Представив, каким приятным будет вечер, Мартиник улыбнулась. Само собой разумеется, Шарлотта собиралась сохранить «Риверсайд». Племянница Сары определенно захочет остаться, лишь бы ей тут было хорошо. Надо только следить за тем, чтобы никто не проговорился, подумала Мартиник. И чтобы вино лилось рекой.

* * *

– Расскажи нам еще немного о себе.

Шарлотта только что взяла в рот ложку рагу, приготовленного Мартиник, и неторопливо кивнула. Она считала, что описать себя другим чрезвычайно трудно. Что, собственно говоря, они хотели знать о ней? Какую программу она предпочитала использовать для экономических расчетов, какие у нее сделаны прививки или, может быть, им интересен тот факт, что ей абсолютно все равно, где проводить отпуск, лишь бы было хорошее подключение к Интернету, чтобы можно было работать? Раньше, когда она попадала в неловкие ситуации, связанные с общением, ее всегда выручал Алекс.

– О чем именно?

Сэм открыла бутылку вина, на которой был изображен итальянский флаг, и разливала напиток по бокалам.

– Вино будешь?

– Нет, спасибо.

Сэм улыбнулась.

– Я налью полбокала на случай, если захочешь.

Шарлотта нехотя взяла у нее из рук бокал и молча принялась изучать Сэм. На ней были белые туфли на платформе и джинсы-клеш с завышенной талией и длинным рядом пуговиц до самого бюста. В джинсы было заправлено зеленое вязаное поло, на голове – объемная манчестерская кепка оранжевого цвета. Шарлотта удивилась смелости Сэм, которую ничуть не волновало, что думают окружающие о ее наряде.

– Расскажи о своем предприятии!

Мартиник ободряюще кивнула, и Шарлотта взяла в рот еще немного рагу.

– Мы продаем, например, лак для ногтей.

Обычно эта реплика помогала. Ее собеседники не особенно интересовались косметикой или считали, что продажа лака для ногтей – дело неважное. В любом случае, ей почти всегда удавалось избежать уточняющих вопросов.

– Да-да, ты ведь сама создала это предприятие, правда?

Шарлотта закашлялась. Она совсем забыла, что тетушка следила за ней в сетях.

– Да, вместе с... – Шарлотта замолкла на полуслове. – Да, это мое предприятие.

– Вы производите собственный лак?

Она кивнула.

– Я изобрела свою формулу, когда мы учились на инженеров-химиков. – Она гордо протянула свою руку. – Формула обеспечивает более яркие цвета. И еще лак высыхает быстрее.

Сэм взяла ее руку и внимательно рассмотрела фиолетовый лак на ногтях, который Шарлотта нанесла перед ужином.

– Симпатичный!

– Спасибо.

– А кто это – мы?

– Что?

Сэм сделала глоток вина.

– Ну, ты сказала, когда *мы* учились. Кого ты имела в виду?

Шарлотта внезапно ощутила пустоту внутри себя.

– Да нет, я, конечно, имела в виду только себя, – пробормотала она, прежде чем в разговор вступила Мартиник.

– Я думаю, пришло время официально поприветствовать Шарлотту тостом. – Она встала и подняла свой бокал. – Мы так рады, что ты приехала к нам! Скоро уже двадцать лет, как я работаю в «Риверсайте», и этот магазин очень дорог моему сердцу. К сожалению, пару последних лет нам было непросто, – продолжала она. – Но сейчас, я надеюсь, все изменится в лучшую сторону с твоей помощью, Шарлотта! Сара рассказывала как успешно твое предприятие, а мы с Сэм обещаем сделать все, что в наших силах, чтобы помочь тебе возродить «Риверсайд».

– За Сару и Шарлотту, – сказала Сэм.

– За Сару и Шарлотту, – поддержали ее другие.

Шарлотта отвернулась. Их взгляды смущали ее. Естественно, она хотела помочь им, но они, похоже, были слишком высокого мнения о ее способностях, а гарантировать успех она не могла.

Когда они закончили ужинать и Сэм с Уильямом убрали посуду, Мартиник подошла к Шарлотте и села рядом с ней.

– Поверь мне: то, что мы сказали – не пустой звук, – дружелюбно сказала Мартиник. – Мы действительно окажем всю возможную помощь.

Шарлотта покрутила в руках бокал.

– Хорошо. Я буду рада, если ты расскажешь мне, как работает книжный магазин. Кто решает, какие книги вам закупать?

Мартиник рассмеялась.

– Завтра я отвечу на все твои вопросы. А сейчас мы просто приятно проводим время.

Из кухни вернулся Уильям, и Шарлотта молча окинула его изучающим взглядом. Несмотря на то, что его присутствие ощущалось зримо и по-своему ярко, непосредственного общения у нее с ним не было. Такие мужчины, вероятно, настолько привыкли к женскому вниманию, что не видели причин прилагать ради него усилия. Конечно, он был красив, это даже как-то раздражало. Скулы и волевой подбородок подчеркивали большие глаза и как будто идеально вылепленные губы, но Шарлотта не собиралась позволять ему очаровывать себя. Ей никогда не нравились самоуверенные мужчины.

Все вернулись к столу, и Сэм наполнила бокалы. Шарлотта мысленно похвалила себя за то, что не притронулась к своему бокалу. Она как раз раздумывала, достаточно ли долго она просидела, чтобы можно было уйти, никого не обидев, когда Мартиник хлопнула в ладоши.

– Я знаю! – радостно воскликнула она. – Мы сейчас поиграем в одну игру! Это прекрасный способ познакомиться поближе.

Шарлотта нервно сглотнула. Она терпеть не могла всяческие игры. Однажды она даже симитировала приступ радикулита ради того, чтобы пропустить партию в «Монополию» с другом детства Алекса. К тому же ей очень хотелось закончить свои подсчеты.

– У меня есть идея! – самодовольно заявила Сэм. – С каким литературным персонажем вам больше всего хотелось бы переспать?

Шарлотта сжала бокал. Краем глаза она видела, что остальные лишь слегка улыбнулись. Неужели она одна считала эту тему неуместной?

– Ну, тогда начинай! – решительно сказала Мартиник, указав на Сэм, которая, похоже, совсем не стеснялась, наслаждалась вниманием.

– Хорошо, – ответила она и почесала подбородок, прикидываясь, что усиленно думает. – Я назову Лисбет Саландер, потому что она потрясающе крута. Ее не волнует, что думают другие, и потом у нее очень сексуальная одежда в стиле панк.

– Однако это было сложно предугадать, – сказал Уильям, вытаращив глаза.

– Ты же знаешь, что я люблю девушек так же, как и книги, – в кожаном переплете, – сказала Сэм, игриво подмигнув.

Уильям схватился за голову.

– Господи, разве так можно? Ты фильтровать свой поток не пробовала?

– Или кого-нибудь из сестер Эдварда Каллена, – продолжала Сэм, ни капли не смутившись. – Я знаю, что это избито, но кто может устоять против вампиров?

Шарлотта прикусила губу. Она не имела ни малейшего желания отвечать на этот вопрос.

– А ты, Мартиник?

– С Константином Дмитриевичем Левиным.

Ей явно нравилось произносить его имя, преувеличенно подчеркивая русское произношение.

– Кто это? – удивилась Сэм.

– Ну как же, из «Анны Карениной»! Или с Доктором Живаго. Или с виконтом де Вальмоном из «Опасных связей».

– Ладно-ладно, мы поняли. Тебя заводят костюмированные драмы и бородатые типы.

– Мне кажется, у виконта де Вальмона не было бороды, – заметил Уильям. – И я очень хорошо понимаю Мартиник. Когда я читал про маркизу де Мертей, меня тоже задело – чертовски привлекательная женщина!

– Да? А я думала, Уильям, что тебе подойдет Бриджит Джонс, – язвительно сказала Сэм. Мартиник расхохоталась, и Шарлотта не смогла сдержать улыбку.

Уильям поднял брови.

– Вообще-то, я ее не читал.

– А может быть, стоит прочесть, раз ты сам теперь собираешься написать бестселлер, – с усмешкой продолжила Сэм.

– Она все равно никогда не сможет конкурировать с Джейн Эйр.

Сэм, которая только что сделала глоток вина, поперхнулась.

– Ты серьезно? – хрипло прокашляла она. – Никогда не думала, что мужчин может возбудить такой типаж.

Уильям выглядел почти обиженно.

– Нет, это ты, наверное, шутишь? Умная, добродушная, целомудренная и при этом, очевидно, совершенно не осознает свою притягательность. Джейн Эйр – мечта любого мужчины, – заявил он.

– Может быть, нам начать цикл литературных вечеров, посвященных сексуальным персонажам? – весело спросила Сэм. – Он будет пользоваться невероятным успехом, это точно.

Она посмотрела на Мартиник, кивнувшую в ответ.

– Да, Парнелле эта идея понравится, – сказала она, осушив свой бокал вина.

Сэм обернулась к Шарлотте.

– Ну, а ты что скажешь? Какие у тебя любимые персонажи?

Шарлотта почти насильно поднесла к губам бокал вина и сделала глоток, мысленно перечисляя отборные ругательства.

– Да, какой типаж тебе нравится? – спросил Уильям, искоса взглянув на нее.

Щеки горели, и она судорожно пыталась придумать, что сказать. Прежде чем открыть рот, она незаметно для себя выпила полбокала.

– Я не знаю, – почти шепотом сказала Шарлотта.

– Ну, давай же! – сказала Мартиник и наполнила ее бокал. – Мы же рассказали про своих.

Сердце Шарлотты билось так сильно, что, казалось, еще немного, и оно выскочит из груди. Честно говоря, она не очень много читала, но не могла же она признаться им в этом. Подумала о книгах, по которым сняты фильмы, и вспомнила «Пятьдесят оттенков серого».

Фильм, конечно, так себе, но ведь главный герой был вполне сексуальным? Попыталась вспомнить его имя.

– Кристиан... Грей.

Сэм схватилась одной рукой за голову, а другую руку театрально вскинула вверх.

– Тебе надо больше читать!

Шарлотта сглотнула от волнения. Ей казалось, что все за столом смотрят на нее.

– Мистер Дарси? – сделала она следующую попытку.

Когда она увидела, как улыбнулась Мартиник, стало чуть легче, и Шарлотта поблагодарила про себя старенькую учительницу из гимназии за то, что та в свое время заставила ее прочесть «Гордость и предубеждение».

– In vain I have struggled. It will not do. My feelings will not be repressed. You must allow me to tell you how ardently I admire and love you⁴, – хором, с пафосом продекламировали Сэм и Мартиник.

– О, мистер Дарси! – Мартиник прижала руку к сердцу.

Сэм встала из-за стола.

– Я найду для тебя идеального мужчину, Шарлотта! Какие парни тебе нравятся?

Шарлотта покачала головой.

– Я не знаю.

Сэм подбоченилась.

– Ну, давай же, намекни хотя бы!

– Джей Гэтсби! – воскликнула Мартиник. – Он богат, окутан мистикой и готов на что угодно ради любимой женщины.

– Нет, ей нужен кто-нибудь повеселее! Что ты думаешь о Вилли Вонке?

Шарлотта покосилась на Уильяма, но он сидел, устремив взгляд на поток людей на улице.

– Ты любишь шоколад?

Сэм скрестила руки.

– Да ладно тебе, разве есть в этом мире люди, которые не любят шоколад? Вопрос скорее в том, нравится ли ей человек в фиолетовом бархатном костюме!

– А что, по книге он носит фиолетовый костюм?

– А как же. Это так характерно для Роальда Даля.

Мартиник скорчила гримасу.

– Хотя, пожалуй, он недостаточно красив. Посмотри на нее! Шарлотте нужен кто-нибудь сексуальный.

– Извини, разве ты не помнишь, кто сыграл Вилли Вонку в фильме Тима Бертона? Если кто и сексуальный, так это Джонни Депп, разве нет?

– Ну, не знаю, не знаю. Все эти умпа-лумпы испортили мне впечатление. Да и Вилли Вонка там – как будто ботоксом накачанный. Нет, мне больше нравится книга.

Они жарко спорили, активно жестикулируя и уже не замечая никого вокруг. Шарлотта вертела в руках бокал. Она обычно избегала шумных людей, но тон общения Сэм и Мартиник чем-то даже нравился ей. Они бранились как супруги, и выглядело это весьма потешно.

Внезапно Мартиник подпрыгнула.

– Я знаю! – объявила она и поспешила к одному из книжных стеллажей. Придя обратно, она с гордостью вручила Шарлотте книгу.

– «Граф Монте-Кристо», – сказала она. – Ты читала его?

Шарлотта отрицательно покачала головой.

---

⁴ – Вся моя борьба была тщетной! Ничего не выходит. Я не в силах справиться со своим чувством. Знайте же, что я вами бесконечно очарован и что я вас люблю! (англ.), Джейн Остен. Собрание сочинений в трех томах. М., «Художественная литература», 1988 г., перевод И. Маршака.

Сэм улыбнулась.

– Эдмонд Дантес идеален!

Шарлотта взяла книгу и аккуратно положила ее на колени. Почему-то казалось, что ей сейчас вручили нечто очень важное.

– Думаю, теперь мне пора сказать всем: «Спокойной ночи».

– Нет! – закричала Сэм. – Мы же еще не успели потанцевать! Уильям, ты не мог бы включить музыку?

Уильям достал телефон и начал искать что-то под прилавком, а Сэм повернулась к Шарлотте.

– Какую музыку ты любишь? – Сэм подняла бутылку вина и кивнула в сторону бокала Шарлотты. – Авичи?

Шарлотта замотала головой. Она не знала, кто такой Авичи, но точно не была готова выпить еще хотя бы каплю алкоголя.

Сэм поднялась с места и взяла ее за руку.

– Уильям, включи Леди Гагу! Мы с Шарлоттой хотим танцевать.

Мартиник, улынувшись, начала напевать «Танцующую королеву».

– Или «Аббу»! Ты, между прочим, немного похожа на эту блондинку. Ее ведь зовут Агнета, да? – сказала она, кивнув в сторону Шарлотты.

Сэм пронзительно засвистела.

– Она такая красотка! Я сшила себе брючный костюм, как у нее на старой фотографии, которую я нашла. Он синий, блестящий, не знаю правда, когда надеть обновку, – продолжила она, обойдя Шарлотту вокруг.

– О, я хочу посмотреть на него! Завтра наденешь? – спросила Мартиник.

Шарлотта высвободила руку, увернувшись от Сэм.

– Кстати, раз уж заговорили про завтра, во сколько вы начинаете работать?

Уильям как раз подсоединил телефон к двум переносным колонкам, которые он откуда-то достал, и включил песню, под которую Сэм тут же пошла в пляс.

Шарлотта покосилась на Мартиник, но и она качалась в такт музыке так, что Шарлотта смущенно отвела взгляд.

– Я здесь с девяти, а Сэм приходит в десять, когда магазин открывается для посетителей.

Шарлотта кивнула в знак благодарности.

– Тогда я спущусь к этому времени и буду рада, если вы мне покажете, что, где тут у вас находится, и ответите на пару вопросов.

– Обязательно, – ответила Мартиник.

– Ты уверена, что не хочешь еще вина? – спросила Сэм, пытаясь изобразить нечто похожее на танец в стиле диско. – Конечно, можешь не танцевать, если тебе совсем не хочется.

– Нет, спасибо. И спасибо за ужин. Все было потрясающе вкусно.

Мартиник послала ей воздушный поцелуй.

– Спасибо, душечка!

– Спокойной ночи всем!

Сэм и Мартиник тут же ответили ей, в отличие от Уильяма, который, не выпуская из рук мобильного телефона, буркнул еле слышно: «Пока».

Поднимаясь по лестнице, Шарлотта не могла отделаться от чувства раздражения. Неужели Уильям такой эгоист, что не смог себя заставить даже взглянуть на нее?

Она отогнала от себя эту мысль и зашла в квартиру Сары. Наверное, он просто рассеянный, да и вообще, какое это имеет значение, посмотрел он на нее или нет, если она все равно скоро уедет домой?

Шарлотта ворочалась на диване. Спать на нем было не очень-то удобно, а пол все еще вибрировал от музыки внизу, на первом этаже.

Шарлотта зажгла лампу и достала книгу, которую дала ей Мартиник. Сама она никогда не была книголюбом и часто завидовала тем, кому чтение художественной литературы доставляло радость. Конечно, мама читала ей в детстве вслух.

Шарлотта улыбнулась, вспомнив о стопке библиотечных книг, всегда в ожидании возвышавшейся на стуле рядом с ее кроватью. Было так приятно, забравшись под одеяло, слушать мамин мягкий голос, когда она читала «Рони – дочь разбойника» или «Мио, мой Мио». Пребывая в полной безопасности, Шарлотта переживала самые головокружительные приключения. Она в красках представляла себе персонажей, о которых рассказывала мама; чувствовала, как они оживали.

Какой бы мама ни была усталой, она всегда читала одинаково проникновенно, наделяя героев разными голосами. Шарлотта убегала в лес вслед за Рони, сидела на камне у порога и подкреплялась съестными припасами из кожаного мешочка, бегала и карабкалась на пару с Бирком, пряталась от злобных друд.

Когда становилось особенно страшно, мама всегда останавливалась, чтобы взглянуть на дочь, чтобы убедиться, что она готова слушать дальше, и Шарлотта всегда кивала ей в ответ. Ей было просто необходимо узнать, что же было дальше.

Всплывшие в памяти картины отозвались в душе теплом. Шарлотта всегда представляла, как она сама будет так же сидеть и читать своим детям.

Она осторожно перевернула книгу, которую дала ей Мартиник, и прочитала, что было написано на задней стороне обложки. Узнав, что ей досталось адаптированное издание для подростков, Шарлотта сначала слегка обиделась, но потом решила, что, может быть, это и к лучшему. Текст был XIX века да еще и на английском.

Крадучись, пришел Теннисон и беззвучно прыгнул к ней на колени. Ноги ощущали тяжесть, но, когда ей удалось немного подвинуть его в сторону, она нашла удобное положение. С ним было уютно, и ей пришлось напомнить себе, что сильно привязываться к коту не стоит.

Проведя рукой по гладкой обложке, Шарлотта открыла книгу и начала читать. Первые страницы читать было трудновато, но в скором времени ее захватил сюжет и незаметно для себя она проглотила несколько глав.

Спустя некоторое время Шарлотта почувствовала жажду и подошла к кухонному уголку, чтобы налить стакан воды. Со стаканом в руках она обошла квартиру и вскоре снова очутилась у фотографии молодого человека. Шарлотта не могла понять почему, но фотография притягивала ее. Нечто необъяснимое таилось в его улыбке – Шарлотте казалось, что она пронизывает ее насквозь.

Рассматривая фотографию, Шарлотта наткнулась на очередную стопку книг, стоящую перед ней на полу. Сверху лежала «Гордость и предубеждение», Шарлотта взяла ее в руки. Чернилами на форзаце было написано обращение; чтобы разобрать написанное, она подошла к свету.

Кристина, ты просто обязана прочитать эту книгу! Сестры Беннет так похожи на нас с тобой. Ты – спокойная и разумная Джейн, а я – вспыльчивая и упрямая Лиззи. У Остен тонкий юмор, нам с тобой он близок, а пишет она о бедняжках-женщинах XVIII века, единственное предназначение которых – замужество. И все равно, книга забавная, там много любви и счастливый конец. Вопрос только, кто Даниэль – мистер Дарси или мистер Бингли? Как ты думаешь?

Короткая записка Сары вызвала у Шарлотты улыбку. Было что-то особенное в таком чтении о маме во втором лице, да и тетушка, похоже, была веселой. Почему она не связалась с Шарлоттой раньше? А что, если бы они познакомились до ее смерти?

Было ужасно грустно осознавать, что она потеряла их обоих. Шарлотту выводили из себя люди, которые жаловались на своих многочисленных родственников; если бы они только могли себе представить, каково это – быть совсем одной.

Шарлотта в тишине снова опустилась на диван. Она, по сути, ничего не знала о своей семье. За исключением бабушки-тетушки со стороны отца, с которой они однажды пили кофе, когда Шарлотта была маленькой, она никогда не встречала никого из родственников. Ее мама никогда не хотела рассказывать о своем детстве, она говорила только, что у них нет никого, кроме друг друга. Шарлотта много раз задавалась вопросом, с чем это связано, и надеялась, что мама когда-нибудь все-таки расскажет ей побольше о своем прошлом, но этот день так никогда и не наступил, а теперь было уже поздно.

Когда Шарлотта думала о том, что мать, скорее всего, читала именно эту книгу, которую она держала сейчас в руках, от волнения захватывало дух. Судя по записке, у сестер были очень близкие отношения, а из письма Сары следовало, что они отправились в Феликстоу вместе. Шарлотта огляделась вокруг. Возможно, ее мама даже бывала здесь, в Лондоне.

Она подошла к папкам с документами, чтобы проверить, не попадется ли ей информация о том, когда Сара приобрела этот дом, и начала листать пачку бумаг, которые на вид были самыми старыми. Бумаги пожелтели, машинописный текст выцвел и читался с трудом. Прошло несколько минут, потом Шарлотта внезапно нашла договор аренды, датированный апрелем 1983 года – годом ее рождения.

Сердце билось все сильнее, пока она просматривала текст. Договор касался аренды квартиры, расположенной в доме по адресу: Риверсайд Драйв, 187; в конце стояли две подписи.

Шарлотта прищурилась, чтобы различить расшифровку подписей: «Сара Ридберг и Даниэль О'Коннор».

Она ощутила бумагу. Значит, Сара и Даниэль проживали здесь уже с 1983 года.

Быстрыми шагами она подошла к стене в прихожей и сняла фотографию молодого человека. «Это должен быть он, Даниэль О'Коннор», – подумала Шарлотта. Но, если он проживал здесь вместе с Сарой, куда же тогда делась ее мать?

10. Понедельник, 8 ноября 1982 года

Кристина лежит в кровати в их новой комнате и смотрит в потолок. Слышит, как за стеной шепчутся Сара и Даниэль. Под ними скрипит диван.

Кристина ощупывает сестринскую половину кровати, проводит рукой вдоль бороздок смятой простыни. Матрас остыл. Должно быть Сара удалилась задолго до того, как проснулась Кристина.

Она бросает взгляд на часы. Скоро вставать, а то можно опоздать на работу. Но она не может покинуть комнату – еще нет, пока они там не закончили.

Кристина встает и начинает искать чистое белье. У них теперь есть свой комод, и Даниэль обещал достать им платяной шкаф. Откуда он его возьмет, неизвестно, но противиться она точно не будет. Пока они жили в общежитии, Кристина хранила все свои вещи в дорожной сумке, так что комод – это явное улучшение.

Кристина вытаскивает верхний ящик комода – он заедает. Приходится подвигать его вперед-назад, чтобы расшевелить, и, когда ящик наконец поддается, раздается громкий скрежет.

Парочка в гостиной внезапно затихает. У Кристины начинают гореть щеки. Не хочется, чтобы они подумали, будто она их слышит.

Диван опять скрипит, потом раздается вздох. Кто-то встает и проходит по полу.

– Куда ты?

Это голос Сары.

– На улицу, – тихо шепчет Даниэль.

– Я не думаю, что она проснулась.

Что-то гремит в прихожей. С вешалки снимают верхнюю одежду, со столика берут связку ключей.

– Я скоро вернусь, – говорит Даниэль, открыв и аккуратно закрыв за собой дверь.

Кристина собирает свою одежду. Какое облегчение, что Даниэль ушел. Она молча семечит в маленькую прихожую. Сара тут же замечает ее и садится в кровати. Волосы взъерошены, она укутана в клетчатое одеяло.

– Значит, ты проснулась?

Кристина кивает.

– Мы разбудили тебя?

Она старается не смотреть на трусы, брошенные на пол.

– Да ничего страшного. Мне же все равно на работу пора.

Сара встает.

– Можно я схожу в туалет перед тем, как ты пойдешь в душ?

Она медленно идет, подтягивая за собой одеяло.

Кристина поводит плечами. Проходя мимо, Сара быстро целует Кристину в щеку.

– Спасибо, ты – лучшая! – Сара улыбается так, что у Кристины начисто проходит все раздражение.

– Конечно. Я вскипячу воду. Чаю хочешь?

– Никогда не откажусь, – говорит Сара, исчезая в ванной комнате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.